

УЛЯ НОВА

ХОРОШИЕ
И ПЛОХИЕ
МЫСЛИ

Улья Нова

Хорошие и плохие мысли (сборник)

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3951005

Аннотация

«Хорошие и плохие мысли», «В ловушке», «Птицы города» – повести, написанные в 1996 – 1999. Движение по туннелям метро, по переулкам и улицам города, сквозь мозаику лиц, мыслей, ассоциаций и зачарованный взгляд в небо, усеянное стежками птиц. Это циклы коротких новелл, зарисовок, этюдов о счастливой и неразделенной любви, о молодежной тусовке, о Москве конца 90-х. Сюжеты о взрослении юных душ пронизаны образами тревожного времени. Реализм черно-белых фотографий перерастает в стремление прочувствовать мир по ту сторону окон и себя.

Содержание

Хорошие и плохие мысли	4
Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Улья Нова

Хорошие и плохие мысли

три повести

Хорошие и плохие мысли

– Надеюсь, ты не напишешь обо мне?

– Размечтался, уже пишу...

(из разговора)

Часть первая

Сегодня с утра море беспокойно. Полдень. На спасательной станции эти волны с белой пеной, шипящей шампанским о берег, перепутанные клочки водорослей и оглушительный стук камней определили, как шторм такой-то силы, КУПАТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО. Берег полукругом, разноцветными островками на песке – полотенца с маленькими человечками. Я спускаюсь по лестнице из 128 ступеней к морю, бреду по раскаленному песку, стелю свое полотенце. Лежу на солнце. Когда на морском берегу смотришь на солнце, видишь только жгучий белый шар, на белом небе, и глазам горячо. Я иссыхаю как ящерица, раскаленная, иду в море, прямо в волны. Когда волны велики, главное суметь осторожно, бочком войти. Плыву, стараясь, чтобы меня не захлестнуло, и не слышу ничего, кроме шума. Заплываю за буюк. Здесь свобода, а волны неумолимо движутся навстречу. Я играю с грозным морем, мне кажется, что оно – кошка или судьба. Мне нравится это плавание, когда ощущаешь себя маленькой, хищной, сбитой и крепкой. Море заставляет ощущать себя как никогда живой. Ныряю в волну и под водой открываю глаза, смотрю сквозь соль вниз. Вот она, высота, наполненная слезами. Море нежно со мной. Оно все время о чем-то рассказывает, заставляя забыть обо всем на свете.

Когда оборачиваюсь, оказывается, берег совсем далеко. Я живу... и думаю только об этом мгновении, огромные волны неумолимо надвигаются, одна за одной, я всплываю на них, покоряя. Но, кажется, уже пора плыть обратно.

Теперь волны подгоняют к берегу, а там, в рупор, как оказывается, мне, давно уже истошно кричат, чтобы срочно выбиралась из воды. Остался метр, ну, может быть полтора. Тут, наверняка, можно встать на цыпочки, чувствуя под пальцами песок и камешки. Я знала, что сегодня не утону и не умру, пусть даже и был сильнейший шторм. Сейчас я плыву и думаю об этом, а море, решив подшутить, сбивает с ног, неожиданно подкидывает меня и укрывает. Захлебываясь, кручусь в волне, вперемешку с камнями и тиной, ударяясь о дно, всего в полуметре от берега. Оно все же настигло меня именно здесь. Еле-еле цепляюсь за дно руками, захлебываясь соленой водой, выбираюсь на коленках по песку, поскорей вскакиваю и убегаю от следующей волны.

Там, за буйком, на глубине ты один и нет больше никого, никаких законов. Только ты, на четвереньках летящий над непредсказуемой высотой. Как маленький зверек или бунтарь? И неизвестность вокруг тебя. Но неужели море – опасно. Что есть слово опасность? Всего девять букв, и сколько в нем: соленая вода и раскаленное пятно солнца, брызги, пена, глубина, даль берега. Непредсказуемость, уязвимость, волны.

* * *

Мы лежим на старой софе под накидкой-пледом. Я – в узле рук, уютно пригревшись. Белые тела при белом свете дня. Время прикидывается остановившимся и все же где-то тайно движется быстрее.

Он говорит, что сейчас границы между нами размыты, что чувствует себя немного мной, будто это я смотрю сквозь его глаза. А я смотрю в окно, туда, где противоположенный дом и спутанные волосы деревьев. Скоро и это пройдет, я буду ехать в метро, усталая, удивляясь быстроте превращения настоящего в воспоминание.

Когда-нибудь после, когда завершится мозаика или достроится картинка головоломки, я пойму значение и необходимость каждого отдельного ее фрагмента. Ведь в головоломке не бывает лишних и ненужных кусочков замысловато вырезанного картона. Пойму, зачем они, но будет уже поздно. Останется лишь вспоминать все в свете прозрения и понимания истинного значения моментов. И грусти от того, что все уходит. Ибо, кажется, это и есть характерное качество всего...

Мы лежим, а кошку прогнали в коридор. Кошка молодая, хочет кота, смешно извивается и трется об ковер. Своей пушистой шерстью она уже прилично осыпала нашу скомканную на полу одежду. Каким-то образом кошка и на этот раз приоткрыла дверь, снова пробралась в комнату и вот уже пытается протиснуть свое пушистое тело между ним и мной, важно разгуливает по моим ногам и мурчит. Я целую кошку в нос и уверяю, что после ее хозяина, люблю ее больше всех на свете. И в следующей жизни обязательно буду ее черным котом.

* * *

Около трех месяцев назад я убеждала Фила по телефону, что «мой далекий друг» Ельников хороший человек. Фил поинтересовался, что значит: «хороший человек»? Перед моим мысленным взором предстал Ельников, я стала раздумывать, что же хорошего именно в нем.

Не слишком умен, если не сказать, совсем не умен. Умеет казаться интересным. Добр, но эгоистичен и через себя не перешагнет. Нежен, но ровно настолько, чтобы получить порцию нежности взамен. Груб, когда облачко влюбленности съезжает набок. Строит глазки женщинам, сидящим за соседними столиками, зная, что это меня заденет или считая, что я ничего не замечаю и смотрю в окно. Отпускает меня одну, в ночь, добираться до дома на попутной машине. Рассказывает о знакомых женщинах. Слишком занят работой, постоянно говорит о новых проектах, о приближении выплаты гонорара. Я чувствую себя с ним немного менее одиноко, а после – опустошенной и выпитой. Мне не нравятся его друзья... Иногда начинает преследовать ощущение, что это какая-то игра. И даже не игра, а что-то примитивное, стремящееся к значимости, непрерывное вранье с потугами на правду.

Пью чай из грязных стаканов, которые извлекаю из горы немытой посуды на маленькой кухне, где на столе скатерть – кусок холста с голыми телами, нарисованными черным маркером. Чувствую и знаю: здесь побывало множество женщин и мужчин, которые пили чай из этих стаканов, мочились в этот толчок с подтеком ржавчины на дне, оставляли слизь на сером покрывале раскладного диванчика, рядом с которым на журнальный столик небрежно брошены журналы на немецком и Берроуз с неизменной закладкой на шестой странице. Я смотрю на мою макушку, тонущую за его спиной в зеркале. Его худющая спина и впалая безволосая грудь. Мои перепутанные волосы и размазанная тушь. Белесые худые тела, прижимающиеся друг к другу в зеркальной ледышке. Он говорит по телефону, а я ищу в квартирке следы пребывания других самок и иногда нахожу пахнущие псиной капроновые носки под

кроватю. Но мне отчего-то хочется быть героиней этой истории, хоть это совсем нелегко, больно и похоже на колесо, бешено катящееся в тумане с холма.

Иногда мне азартно и любопытно отодвинуть краешек занавески, расспрашивая его, где он провел те три дня, почему не звонил. Приятно, что ничего не планирую и ничего не жду. Весело, что некоторые тоже ошиблись, как и я, те, другие, звонящие, когда мы валяемся на диване, или которые с ним, когда я звоню, а он односложно и бесцветно докладывает о своих делах и предлагает как-нибудь встретиться. Только иногда, по дороге домой, мне становится невыразимо тяжело от себя самой, такой иной, такой замерзающей, и я всхлипываю в поезде, несущемся по тоннелям метро на другой конец города. А потом, спустя пару дней, сама звоню, и наша история продолжается. Но это не важно, а важен нелегкий путь, пройденный мной, дабы стать главной героиней этой истории.

Вознаграждением были не печати в паспорте и не счастливое будущее, а всего лишь связка ключей от квартиры, которую он снимает. Туда я теперь могу явиться в любое время, навестить его и кошку.

Он непредсказуем и загадочен. Траектория его жизни напоминает то американские горки, то беспорядочные движения одинокого атома в безвоздушной пространстве космоса. И он заражает меня тем же ощущением жизни, тем же движением. И все же этот человек хороший. А еще он – художник. Наверное, я нужна и могу что-то дать ему. На все это Фил возражает:

– Представь, в вагон вереницей заходят нищие: «Сами мы не местные... Нас сорок три семьи на таком-то вокзале, все хотим кушать, деньги у нас украли». Ты что, поможешь всем подряд?

– Нет, обычно я даю деньги тем, кто, на мой взгляд, больше всего в них нуждается, а именно: калекам и музыкантам из переходов, играющих на аккордеонах, саксофонах, флейтах, а так же на гитарах. Или же просто людям, которые поют песни, наполняя музыкой и звуками бесцветные, душевные, пахнущие усталостью, мочой и падалью трубопроводы метро.

– Но откуда ты знаешь, что именно они, а не те, что с детьми «Ребенку нужна операция», нуждаются в твоей помощи?

– Ну, тогда нам придется выстроить шкалу наибольшей нуждаемости в нас нищих и любимых, – говорю я, – мысленно прикидывая, какое место на ней занял бы «мой далекий друг», Ельников.

* * *

Я бесцельно брожу по магазинам. Сначала в «Детском мире», в очень дешевеньком отделе на третьем этаже, где разноцветными рядами висят канадские и турецкие куртки для детей. Меня поражает некрасота дешевого. Зато как душевно, в этом есть что-то уютное, согревающее. Вспоминаются похожие отделы магазинчиков из детства. Недалеко от железнодорожной станции располагался заветный универмаг – старенькое серое здание с покосившейся скрипучей лестницей. На первом этаже – отдел игрушек, едва войдя внутрь, я сразу же устремлялась туда. Заворожено замерев, разглядывала кукол, больших и маленьких, разодетых в нарядные платья. А еще плюшевых собак и медведей, машинки и кукольную розовую посуду. Хотелось всего сразу, выбрать что-то одно было пыткой, и я начинала хныкать. А бабушку почему-то тянуло в отделы обуви и одежды, где пахло резиной и дерматином, где стояли гордые ряды новых туфель, и висели разноцветные кофточки. Как-то она купила синенькое пышное платье с рыбками «у каждой девочки должно быть нарядное платье». Большущая продавщица с белыми кукольными волосами застегивала сзади молнию. Я чувствовала себя самой несчастной в мире в этих синих оборках и длинной юбке. И поглядывала на сумку, где скрылся брючный комбинезон, придававший мне, по словам

бабушки, сходство с беспризорниками двадцатых годов, будущими воспитанниками Макаренко. И по случаю покупки нарядного платья я обиженно молчала всю дорогу домой.

Хожу между рядами детской одежды, смотрю на цены, не без тревоги думаю, что когда-нибудь у меня появятся дети. Понравилась красная юбка-шотландка, захожу в примерочный «ящик», пытаюсь натянуть, но детская юбка мне не в пору – как символично. Разглядываю крошечные кофточки, рубашки, ряды лакированных туфель и ботиночек. Они такие красивые, кажется, так подошли бы мне, но они восьмого и т.д. размеров.

В отдел неторопливо всплывает трио: родители и трёхлетнее дитя. Родители приблизительно моего возраста. Они похожи на взрослых животных, расслабленных и самодовольных. Они серьезно осматривают какую-то куртку, а дитя, пританцовывая на другом конце отдела, смотрит распахнутыми глазенками на небо и птиц в окне, тычет пальчиком, что-то воркует. Потом срывается и несется между рядами курток, курлычет, изображая индейца. Мамаша ловит его за руку, легонько шлепает, наклонившись, чуть слышно бормочет что-то на ухо. Молодой отец смотрит в сторону утомленным, пустым, отсутствующим взглядом. Я еле сдерживаю улыбку: вся эта сценка напоминает кадры из передач, посвященных жизни шимпанзе в дикой природе.

Слова «остепениться», «определиться» мне чужды. Я меряю еще две-три детские кофточки, рукава слишком коротки, спрашиваю, нет ли размера на два побольше, и продавщицы осуждающе оглядывают меня. Прогуливаясь между рядами кустарно пошитых сине-красных курток, думаю о поколениях, вырастающих в них. Так хочется жить красиво, пусть не богато, но чтоб каждое мгновение, уходящее в прошлое, было любимым, чтобы старая одежда наводила воспоминания, от которых улыбаешься, чтобы даже самые грустные мгновения были окрашены и наполнены музыкой.

На Никольской стою, ем суфле, а толпа людей движется мимо по весенней улице. Кожано-замшево-драповая. Черно-коричневая болотистая жижа толпы. За спиной Кремль – строение странной архитектуры с готическими окнами, обведенными белым кантиком, с острыми башнями, которые почему-то не тянутся в небо, но пытаются закрепиться здесь, на земле. Красный кирпич, изумрудные камешки звезд. А по улице, как по сосуду, снуют люди-частички. Кровоток города. Но сегодня светит солнце, поэтому я окрашиваю все это в оптимистичные тона.

Витрина. А в ней – голые манекены. Голые манекены тоже интересны, они не сексуальны, но привлекают внимание. В этой маленькой витрине аж три пластиковых голых манекена. Двое сидят напротив друг друга – широко расставив ноги. Третий стоит чуть поодаль. А рядом на полу разбросаны их руки.

Я в очереди в модный отдел, с одной стороны стоит одетый манекен мужчины, с серьгами в ушах, он отвел пластмассовые глаза, ведь у меня невымытые волосы, это делает мой вид не пластиковым, не модным, не здоровым, не красивым, не сексуальным. Напротив манекен женщины «unisex». Во что они превращают людей? Как здорово было бы, если б люди ходили голыми. Наверняка, это бы резко уменьшило процент растворенной в воздухе лжи, количество маньяков, и рождаемость поползла бы вверх.

Модный магазин – заграница на выезде. А еще магазины сами по себе чем-то напоминают людей: снаружи – зеркальные витрины, какие-нибудь деревянные панели, вывеска, крыльцо, козырек, двери разнообразных конструкций. Входишь внутрь, и обнаруживается множество ненужного хлама, аккуратно развешенного вдоль стен под видом модной одежды. Но заставляет остаться музыка радио, прислушиваясь к песне, продвигаешься между рядами надушенного дорогого шмотья. Даже в самом никчемном магазине музыка может задержать.

* * *

И вот, именно в одном из таких бутиков, неожиданно вспоминаю, как история началась.

Приблизительно год назад, в апреле, я писала для одного тоненького журнала. В тот день, вдруг, оказалась в странной невесомости и пустоте, словно вошла в шар, где вакуум. Домой идти не хотелось, зачем-то отправилась в редакцию, просить удостоверение: может быть, тогда удастся взять несколько интервью.

Белый коридор редакции с коллажами из старых газет в больших хромированных рамках. Двери комнат. Все новое после недавнего ремонта, еще пахнет краской. Сажу в огромной квадратной комнате, заставленной лабиринтом столов, жду заместителя главного редактора, милую говорливую тетюшку, которая меня неплохо знает – ведь я пишу им безумные статейки о снах и еще рассказы о любви, в каждый номер, которые выдумываю за день-другой, лежа на диване, а потом по месяцу дожидаясь гонорара. И теперь мне кажется, что я знаю о любви все. В последнем, апрельском номере, напечатали мой рассказ «Бордовые георгины». Раскачиваюсь на сером компьютерном стуле, рассматриваю стеллаж, на котором красуются все вышедшие номера журнала, с фотографиями девушек на обложках и разноцветными подписями-заголовками. Вытаскиваю апрельский номер, не без гордости открываю на тридцать шестой странице. Вот он, мой рассказ.

Бордовые георгины.

Утро. Изморозь. Серо-коричневая умирающая зима плавно на цыпочках отступает, наполняя кровь кипящими, борющимися и любящимися демонами.

Рассудок остался на кухонном столе. Лениво лежит рядом с чашкой недопитого кофе. Свободное, мягкое и пушистое – новая Я, ощутила в себе искры, острые зубки и когти. Стала котенком, который бьется из стороны в сторону, ища пространство вырасти в блестяще-черную кошку.

Еду на метро в университет. Вокруг серьезные люди, скованные целями, планами и долгом. Рассудком. Их глаза убегают, смотрят в пол, упираются в книги, рассматривают катышки на одежде. Нечаянно встретившись друг с другом, поспешно разлетаются в разные стороны. Каждый едет один. В своем полусне.

Прохожие, машины, здания, я, – все тает, все минутно, все мы – призраки, мечты могучего воображения, рассеивающийся дым, абсурд. Город-мираж, по его улицам тихо и нежно ходит Любовь. Воздух наполнен ароматом ее духов с ноткой пряной истома. Одежда, шторы, скатерти столиков в кафе пропитаны дымом ее сигарет, и сладкий пепел лежит на черном мокром асфальте, на руках, плечах, губах людей, не подозревающих о ее близости. Проходящих мимо, погруженных в свои мысли. Вдруг, неожиданно, проскользнет и исчезнет за поворотом краешек ее темно-вишневого платья. А я мучаюсь, бегаю за ней, хочу увидеть ее лицо.

Лекция. Зал амфитеатром. На сцене за кафедрой что-то говорит лектор. Рядом со мной за изрисованной каракулями партой сидит сокурсник Вася. Он молодцевато рассказывает, как вытаскивал свою машину из кювета. Я с пониманием киваю в такт его рассказа. А сама представляю Васю, долговязого, наивного, с большими зелеными глазами, катающим маленькую жестяную машинку по паркету. И мне смешно, но

я стараюсь казаться серьезной, чтоб, засмеявшись невпопад, не обидеть его. Все вокруг жуужжит, я чувствую слабость и тяжкое растворение в полусонной лени. Вдруг, накатывает и захлестывает волна шума, гогота, хора нарастающего числа голосов, шелеста: лекция закончена. Сокурсники группками, кривляясь, гогоча, задирая друг друга, покидают зал. Амфитеатр пуст. Я стою внизу, у сцены-кафедры и смотрю вверх на полукруглые ряды парт и скамеек. На самом верху Вася поспешно укладывает в рюкзак тетрадку, так и не открытую сегодня.

– Подброшу тебя до дома? – вроде бы небрежно бросает он.

– Если тебе не трудно, спасибо, – вроде бы скромно отвечаю, рассматривая линолеум и свои ноги в черных кожаных ботинках на толстой рифленой подошве.

Болтая о чем-то на ходу, не замечая, что уже в машине. Еду, разглядывая тающую улицу, иногда искоса, украдкой изучаю Васю.

– Что завтра делаешь?

– Сажая георгины на даче. Очень люблю георгины, особенно темно-бордовые, пушистые.

– Да ну, траурные цветы. Уж лучше пионы или тигровые лилии.

– А мне больше нравятся георгины... Они строгие. Цветут осенью, под дождем.

– А вечером приедешь – может, сходим в кино?

– Ладненько, я тогда звякну.

Мы молчим. За окном – магазины с вывесками, светофоры, пешеходы, весенняя уличная суета. Вдруг, вижу, что Она идет по тротуару, босиком, в длинном, легко развевающемся от быстрой ходьбы платье темно-бордового цвета. Кудряшки золотистых волос прыгают на плечах. Куда-то спешит, сталкивается с идущими навстречу людьми, не замечающими ее.

– Ты не остановишь машину?

– Что?

– Пожалуйста, останови машину.

– Я что-то не так сказал?

– Пожалуйста, останови, – кричу я.

– Что, прямо здесь?

Он боится очередным вопросом окончательно разозлить или расстроить меня. Останавливается. Выскакиваю из машины, даже забыв попрощаться.

Бегу за Ней. Она идет медленно и плавно, никого не замечая. Почти догнала, но она заходит в полупустой автобус, который увозит Её неизвестно куда, прочь. Кто-то плеснул воды на акварельную картинку, все поплыло. От разочарования потерялась, не могу понять, где я, бесцельно хожу по улицам, разглядываю витрины, читаю объявления и афиши. Смотрю в занятые чужие глаза.

Возвращаюсь домой рассеянная, не могу вспомнить, где пакет с клубнями георгин... вяло звякнул пейджер – это шофер отца уже подъехал к дому и ждет меня... Мы едем через серо-бурый пригород на дачу... Кладу клубни, похожие на растопыренные толстые пальцы, в землю... перепачкалась, пролила на себя полведра воды – так бывает, когда мысли где-то не здесь. Ведь в переулках города, на каменной мостовой, еще не смыты холодным дождем следы ее босых ног, пепел ее сигарет.

Долговязый Вася смущенно дарит мне желтую розу. Его рука едва заметно дрожит. Не люблю желтый цвет, боюсь, бегу без оглядки от любого оттенка. Благодарю Васю и, улучив момент, незаметно бросаю розу на заднее сидение. Мы едем в кино. За окнами – вечеряющий город, деревья в гирляндах горящих фонариков, как будто цветущие звездами. Темные силуэты людей, освещенные витрины. Высоко-высоко, непонятно где, звучит тонкая, щемящая нота.

В маленьком кинозале кроме нас еще человека три-четыре. Старый черно-белый фильм. Я внимательно смотрю, а Вася дремлет, положив голову на руку. Дерутся. Убили. Мне жутковато, я прижимаюсь к Васе. А он, истолковав мое движение совершенно иначе, сжимает мою руку и гладит. Его рука влажная. Наши щеки трутся, мы целуемся в губы. Он взволнованный и милый. Наши руки обнимаются и танцуют. Мне тепло и до неприличия хорошо. Кто-то, одиноко сидящий впереди, вскакивает и направляется к выходу. Свет, прорвавшийся из открытой двери, освещает выход и человека в темно-бордовом платье, «это же Она!», поспешно вырываю руку из теплой Васиной руки и бегу вослед. Безмолвно ношусь за ней по бесконечным лестницам киноцентра. Она плавно, но необыкновенно быстро спешит, не оборачиваясь, к какой-то неизвестной мне цели.

Полутемный коридор. Протянуть руку, схватить за золотистые волосы, больно – зато увидеть ее лицо, узнать, какая Она. Кто Она. Мы быстро идем по коридору, расстояние сокращается, она открывает одну из боковых дверей, скрывается внутри, через минуту за ручку двери с медной табличкой «Кинофонд» хватаюсь я, но комната заперта. Я дергаю дверь – закрыто; подбегаю к соседней, дергаю – заперто; мечусь между закрытыми дверями, не понимая, где же Она, куда же Она сбежала от меня на этот раз. Все двери заперты. В полутемном коридоре душная, соленая, плачущая тишина.

Повесив голову, спускаюсь по лестнице. Встречаю растерянного Васю. Мы стоим на ступеньках и, молча, смотрим в глаза друг другу. Его глаза влажные и блестят. У него несчастный, виноватый и взволнованный вид. Я целую его в щеку:

– Все хорошо, – а про себя прибавляю – «малыш».

И мы выходим на улицу, так и не узнав, чем же закончился фильм. Подморозило. Если будет холодать, георгины не вырастут. Вася, счастливый, что-то рассказывает... а Она где-то совсем близко, даже шелест ее платья слышен.

Смешная девушка с двумя детскими косичками в бордовом шерстяном платье смотрит на меня своими черными глазами, нахмутив бровки. Улыбнулась. Это я примеряю только что купленное перед зеркалом. Мой пес носится вокруг, лает, просит, чтобы я скорей пошла с ним гулять.

Парк. Серо-черный. Голые деревья тянут в небо корявые многопалые ветви. Пес нашел подружку, похожую на него дворняжку, они сначала обнюхали друг друга, смешно помахивая хвостами, а теперь носятся по парку, играют, нежно кусаются, лают. Я сижу на спинке скамейки, грязно-белое сидение усыпано коричневыми прошлогодними листьями. Сзади подкралась Она. Гладит меня по голове. Я притаилась. Резко схватила ее за руку, хочу увидеть ее лицо. Она отвернулась, змейкой вырвалась, оставив оторванный кусок манжеты в моей руке. Бежит прочь, хлюпая по лужам,

по тающему серому снегу. А я стою и смотрю ей вслед. На фоне серого неба – черные стволы лип. По грязи босиком бежит Она вглубь парка, ее легкое темно-бордовое платье и золотистые кудри мелькают меж черных стволов. Сжимаю обрывок. Распахиваю ладонь, но в ней оказывается бордовая георгина, которая увядает на глазах.

Мы с Васей одни у него дома. Вечер. Тихо. Стоим на балконе... Темные химеричные деревья, дом напротив с редкими светящимися окнами. Неожиданные уличные звуки. Весенний ветер. Запах талого снега. Вася задумчиво курит. Потом, вдруг, бросает сигарету и притягивает меня к себе. Долгий поцелуй. Как же тепло.

Мы мурлычем друг другу всякие нежные глупости. Совершенно счастливый, он провожает меня до дома, то и дело, сминая и целуя. Вырываюсь. Кусаю его в губы. Убегаю в ночь.

– Любви нет, а есть только инстинкты, расчет да разврат, – отвечает бабушка на мои расплывчатые расспросы.

– Жаль, – грустно говорю я, пью сливовый компот и думаю о Любви, которая ходит по улицам призрачного города. Может быть, она-то как раз и существует, а всего остального, включая нас, не было, нет и не будет. Все мы – лишь дым, готовый рассеяться и исчезнуть в любое мгновенье туман, абсурд.

Молчаливый спутник, Вася, послушно сопровождает меня по бестолковым киношкам, где я отдыхаю от безумной и бесплодной погони, поглощающей меня все сильнее с каждым днем. Она появлялась лишь несколько раз, мельком. Оставила жесткий, вьющийся, пахнущий истомой и сандалом волос на расческе. Как-то утром украла мою губную помаду, юркнула в открытую форточку и убежала в небо. На голубом, чистом... ее легкость. Стремительный и игривый бег по воздуху ввысь. Снова не разглядела лица, но, взглядываясь Ей вослед, я поняла, что Она – самая реально существующая выдумщица, когтистая кошка, бесстыжая нежница, озорная абсурдница. Чокнутая в темно-бордовом платье. А можно проще – Любовь.

Я рассеянная, почему-то у меня тяжело на душе. Сокурсник на днях сказал по секрету, что Вася болен мной. А я ответила на это, что все они – мартовские коты, и цитировала бабушкину фразу об инстинктах, расчете и разврате. Вася тоже рассеянный и задумчивый, мы больше молчим, когда он подвозит меня на машине до дома.

Какой-то сегодня беспорядочный день. Мы сбежали с занятий, толкаемся в магазинах, пьем чай в кофейне, он подарил мне желтого игрушечного тигренка, наконец-то нашли часы, которые понравились и мне, и ему.

– Вот ты и перестал быть счастливым, – сказала я, разглядывая поблескивающий циферблат. Тонкая золотистая стрелка безостановочно бегала по кругу.

– Почему же перестал, у меня есть ты. Ты у меня есть?

– Да, конечно, если я только вообще есть.

Вечером еду на дачу. Упросила шофера и теперь веду машину сама, сквозь весну. Думаю о Васе, мне тепло и нежно. Серая дорога, с шумом проносятся мимо машины, полосатые заправочные станции, светофор. Перекресток. На перекрестке стоит Она. А, может быть, Она – всего лишь

плод моего воображения, сколько можно бегать непонятно за кем? И я тону в мыслях о милом, милом Васе.

Из-за угла вылетает темно-синяя машина. Торможу изо всех сил. Уже поздно. Она, обернувшись на звук визжащих по асфальту шин, смотрит с тревогой. У нее мое лицо. Боже, какая боль! Через минуту я перестану быть где бы то ни было.

... где-то там, далеко-далеко – бордовый бархат и георгины. Вася смотрит на золотистый циферблат своих новеньких наручных часов. И меня больше нет. А по призрачному городу разгуливает Смерть, развратница с распущенными золотистыми волосами и растекшейся тушью. В темно-бордовых лохмотьях. Превращая все в дым, разводя и разлучая всех вокруг.

Наконец, явилась оживленная и говорливая тетушка, заместитель главного редактора. Гонорары за последние номера никак не начислят, я намеками и напрямик прошу выписать мне удостоверение и обещаю за это принести что-нибудь необыкновенное. Она понимающе кивает, делает бодрый приглашающий жест и ведет в соседнюю комнату. Здесь бежевые, крашенные водоземлюсионной стены, серый ковролин и возле окна – необъятный зеленый компьютер на пластиковом столе. Вдруг, по волшебству, по мановению руки тетушки-зама, от компьютера отделяется движущаяся деталь, тоже зеленая. Меня представляют главному художнику журнала: «Познакомься, наш главный художник, Коля Ельников. Коля, нарисуй автору какое-нибудь удостоверение и не забудь выставить на нем печать журнала, да пожирнее». Он снова исчезает, принимается что-то прилежно выстукивать на компьютере. Стою рядом, без интереса разглядываю это блеклое худое создание. Из большого принтера выезжает мое удостоверение и я, тихо распрощавшись, иду за подписью к доброй тетушке-заму. А ее опять нет. Что ж, подождем, спешить мне некуда – снова терпеливо покачиваюсь на стуле, разглядывая разноцветные обложки журналов.

Этот блеклый бесшумно возникает в комнате, будто вползая или паря по воздуху. Садится рядом и начинает воспитанно и дружелюбно разговор о предстоящем номере и проблемах с гонорарами. У него тихий хрупкий, улетающий голос. Я говорю, что работаю внештатно, он небрежно приглашает меня завтра на вечеринку в какой-то клуб, где соберется много народа из разных редакций. Ухватываю последнюю фразу. В тайной надежде осуществить свою мечту – постоянное место сочинителя рассказов о любви и стабильная зарплата – с удовольствием принимаю приглашение. Между тем, приходит добрая тетушка, ставит свою подпись, я укладываю новенькое удостоверение в сумку и медленно направляюсь к выходу. Он ловит меня в лабиринте коридора и небрежно бросает:

– Кстати, делать особенно нечего. Я сейчас иду обедать. Хочешь, пошли вместе.

Через минут пять мы, как давние знакомые, ловим машину, несемся по Москве от Беговой к Арбату. И там плутаем по пыльным, окутанным апрельским солнцем переулкам.

* * *

В «Кризисе жанра» полумрак и черные деревянные стены. Мы сидим за черным деревянным столом. Очень мало людей, обычно здесь столпотворение по вечерам и в выходные. Он рассказывает своим тихим, чуть дрожащим, струящимся голосом. Узнаю, что передо мной внук какого-то генерала, его дед дошел в войну до Берлина, остался там, женился, служил в посольстве. Теперь в Берлине у него родители и брат. Он учился в Берлине в художественном колледже и с шестнадцати лет живет один. А в восемнадцать, после несчастной любви и провала на экзамене взял, да и переехал в Москву. С билетом в один конец

и небольшой спортивной сумкой. Сначала скитался по чердакам, жил в разрушенном старинном особняке без крыши, точнее, крышу заменяло небо. Зато в его распоряжении было шесть просторных комнат с отсыревшими обоями. Потом особняк окончательно списали под снос, а всех нелегальных самовольных жильцов – разогнали. Продавал на Арбате картины, которые рисовал вечерами, где уж придется. Со временем стал ходить в клубы, там перезнакомился с разными известными людьми, работал в рекламном агентстве, потом стал главным художником журнала. Вся эта история заставляет меня присмотреться к нему внимательнее, я испытываю уважение и нарастающий интерес к этому человеку. Мне надоели простые истории и плоские однозначные персонажи.

Мой дед тоже когда-то дошел до Берлина, работал военным врачом в госпитале, который располагался в старинном замке. Там родился и жил до шести лет мой отец, родным языком которого стал немецкий. Потом мой дед вернулся, хотя его и уговаривали остаться еще на некоторое время: работать врачом, продолжить научные исследования, начатые еще до войны. Дед все же вернулся домой, в Москву, привезя с собой всякие забавные безделушки, напоминавшие ему о войне и о победе. С тех пор в доме много немецких книг и памятных вещиц, вроде бонбоньерки, пепельницы, бронзовой статуэтки Дона Кихота. И еще есть большая напольная ваза из какого-то редкого стекла, тоже привезенная дедом из послевоенного Берлина, на память.

* * *

Пухлые губки, косая челка бесцветных, похожих на солому, волос, близко посаженные остренькие и настороженные темно-зеленые глаза. Где же я могла видеть это лицо? В нетерпении и замешательстве принимаюсь листать воображаемый каталог фотографий с лицами, встречавшимися в моей жизни. Лица, лица, личики. Мелькнувшие вдалеке и задержавшиеся на мгновение. Лица, показанные крупным планом, застрявшие в памяти, запутавшиеся и накрепко оставшиеся в ней. И вот, наконец, вспоминаю.

Раз в крещенский вечерок и я гадала. Одноклассники рассказали, что под кроватью надо построить из спичек подобие колодца, положить рядом с ним закрытый навесной замок, а ключ спрятать под подушку. Тогда будущий суженый непременно принесет запасной ключ от замка, который у него, конечно же, есть. Этот вариант мне нравился больше, нежели наесться на ночь соли и ждать пока во сне вышеуказанный принесет стакан воды. Я уложила ключ под подушку, долго ворочалась, но в итоге кое-как уснула. И что же? Долгое время ничего не было. Вообще никаких снов, только темно-сизый, непроглядный туман. Потом из сумерек вышел некто. Странный-престранный, совсем не такой, кого я могла ожидать, такой, что я даже не знала во сне, радоваться или сокрушаться. Вышел из тумана высокий, худощавый и удивительно гибкий человек. Остановился. Стоял в серой дымке, слегка покачиваясь, усмехался каким-то своим мыслям. Помолчал-помолчал, потом с издевочкой, нагло заявил:

– Я, знаю, что сейчас у тебя никого нет, – качнулся, осмотрелся по сторонам, отшвырнул в сторону окурков. И слегка зловеще (или мне во сне так показалось) добавил, – Ну, вот я и пришел, – далее, как в фильмах, крупный план: соломенная челка и острые, колючие, болотного цвета глаза.

Я проснулась разочарованной. Решила, что не то гадание выбрала. И вот сегодня встретила очень похожего, загадочного персонажа. Сажу напротив него за черным деревянным столом, беспечно озираю редких полуденных посетителей «Кризиса жанра». Искоса наблюдая за своим новым знакомым. Мне любопытно, что же будет дальше. И все это затягивает меня в темный туннель, в какую-то новую историю.

* * *

Вечером следующего дня почти бегу вдоль окон кафе «Дели-Франс». У двери высокий и до безобразия тощий Коля ждет меня в съехавшей набок, защитного цвета фуражке из вельвета. Улыбаясь, он целует меня в щеку, а точнее, чуть ниже, в уголок губ, будто мы знаем друг дружку уже много лет. Не успели сесть за круглый столик возле окна, появляется его друг – Леонид, как оказалось, второй заместитель главного редактора их журнала – с какой-то вертлявой девицей. Мне не понравилось, что Леонид удивленно окинул меня с ног до головы, будто в этом самом плетеном кресле должен был сидеть кто-то другой (так потом и оказалось), и как он весь вечер бросал на меня иронично-изучающие взгляды, которые очень не люблю – сразу чувствуешь себя срезом червяка под стеклом микроскопа. Кому какое дело, кто я. До этого вечера я считала, что такие изучающие, проникающие вглубь взгляды имеют право бросать только я. С моей претензией на знание глубин человеческой природы и интуицию: как-никак, начинающий писатель, специализирующийся на пронзительных историях о любви.

И вот, два блеклых молодых человека, какие-то несуразные и придурковатые персонажи, старательно пытающиеся кого-то из себя изобразить, плюс девица – художник-модельер, слегка подвыпившая, явно случайная женщина, с интересом изучают меня и, многозначительно посмеиваясь, переглядываются.

Посидели, посидели да и отправились в клуб «Четыре комнаты». Люблю гулять в центре ночной Москвы, когда она вся в бижутерии огней и вывесок.

* * *

На Красной площади пришлось остановиться: в темноте шла репетиция предстоящего парада, посвященного 9 мая. Перед мавзолеем стояли военные машины, в сумраке на фоне кремлевской стены с грохотом шагали ровные ряды солдат, похожих на заводные манекены. Люди в военной форме суетились с рациями, всюду проникал запах кирзы и резины, и в ночи цвет хаки выглядел почти черным. Как тревожно выглядит множество поблескивающих пуговиц, как жутко звучат одновременные шаги тысячи ног организованной лавины людей. Казалось, мы угодили прямо в экран, идет какое-то кино, сценария которого я пока не знаю, и что требуется от моей роли – тоже. Военные возле ограждения не поддались уговорам, не пропустили нас, пришлось идти в обход – темными переулками к гостинице «Балчуг», где находится клуб.

По дороге, не зная, о чем обычно говорят, направляясь на вечеринку в клуб, я рассказывала Коле сказку про Горе. Есть такая русская народная сказка. К одному бедному мужику ни с того, ни с сего стало наведываться Горе, тащило в кабак, пить. Мужик сначала терпел, подчинялся, потом как-то взял, налил вина в кувшин и говорит Горю: «Полезай и пей». Горе влезло в кувшин, мужик его, как джина, закупорил. И бросил в реку. А у меня тоже как-то раз не все ладилось, и я кинула в Москву-реку маленькую глиняную вазочку с предполагаемым Горем. А подруга, наполовину кореянка, Кимса, когда я ей рассказывала эту сказку, вдруг, спросила, а что делать, если Горе заключается в любви к недостойному человеку.

Я все это тараторила, а Коля шел рядом, молчал, слушал, недоумевая, зачем я ему все это рассказываю. А я просто пыталась себя развлечь. Не люблю ходить, молча. Люблю болтать без умолка, заговаривая людей до одурения. Кстати, обычно Коля подписывает свои работы на немецкий манер: Ельникофф.

* * *

Около клуба ошивалось много журналистов, богемных, какбыбогемных, опустившихся и совсем уж сомнительных личностей. Было темно и сыро. Нас пустили внутрь. Из темноты – в дымно-табачную атмосферу, в оглушительный грохот музыки. Оказалось, в каждой из четырех комнат музыка играла разная.

В круглой комнате на потолке висел прожектор-шар, освещающий прохладный полумрак мечущимися блестками. Я сидела рядом с художником, наблюдала за танцующими людьми и огоньками, беспорядочно мерцающими на их лицах. Кто-то уходил, кто-то подходил, Коля здоровался со знакомыми, перебрасывался с ними несколькими словами, как я поняла, никаких работников редакции на вечеринке не было. Значит, меня обманули. Я была разочарована. Сидела тихо и удивлялась, как хитро меня сюда затащили: «вечеринка редакции, будут люди из разных журналов», а ведь иначе я скорей всего и не пришла бы.

Зазвучала другая музыка, комната постепенно опустела. Мы сидели вдвоем. Я заворожено наблюдала движения светлячков лампы и не думала ни о чем. Сидящий рядом, видимо, думал о чем-то и очень медленно, медитативно поглаживал мою коленку. Я соврала, что у меня есть любимый человек. Бывший сокурсник, Вася. Тогда, неожиданно, он очень уверенно и грубо обнял меня, уложил руку с длинными костлявыми пальцами, похожую на большущего паука, мне на грудь, впился губами в мои губы. И заявил:

– У меня тоже есть девушка, Евгения, – и к моему изумлению нагло добавил, – ничего страшного, будем любовниками.

– Нет, не будем, – возмутилась я, – а ты, наверное, не любишь свою девушку?

– Вот именно! Не люблю.

– А ты кого-нибудь вообще любишь, кроме себя?

Он сказал, что любит свою бывшую одноклассницу, которая осталась в Берлине.

– Я делал все, что мог, из кожи вон лез. Но она так и не полюбила меня. Я больше не мог оставаться в городе, где каждая скамейка, улицы и дома – все напоминает о ней. Я уехал. Поначалу писал ей каждый день длинные письма, потом накопил денег, ездил туда, но она оставалась такой же холодной, сказала, что не может меня полюбить и даже сама не рада. Она никого не любит. Просто живет и рисует картины.

Мы, молча, движемся вдоль реки в сторону Арбата. В темноте на набережной чугунный шар разрушает старый особняк, слепо, черными дырами своих окон наблюдающий за нами и рекой в последний раз. Мы пробегаем мимо, чтобы пыль и песок не попали в глаза и волосы, а осколки кирпичей умершего дома не задела нас. Разгоряченный совместным бегом, он сжимает меня, притягивает к себе и умоляет поехать к нему. Развязно заявляет, что никакого молодого человека у меня нет. Что меня видно насквозь. А я говорю, что не хочу сегодня ехать к нему. И не поеду. Но это не мешает нам идти в обнимку по ночной набережной мимо черной ленты реки.

Остановились. Стоим на лестнице моста. Я в его чудной вельветовой фуражке. Тремся носами. А кругом – сине-серая тающая ночь, сизый мост, лестница. Москва мигает глазами утренних огней. Или, как у Бродского – розами фонарей, хотя, когда они светят голубым, больше напоминают васильки.

У Манежа голосуем. На заднем сидении ругаемся, будто бы знакомы давным-давно.

– А что же это твоя девушка, Евгения? Небось, ждет звонка!

Он зловеще бормочет, что с ней у него все только начинается, а сейчас она как раз поехала отдыхать на море.

– Она тебя любит?

– Говорит, что любит.

– Иногда это отличный способ привязать к себе человека, – болтаю я, а он отстраненно смотрит в окно.

Тогда я объясняю, что он совершенно не в моем вкусе. Но, кажется, мы могли бы быть друзьями. На это он, оскалившись, шипит, что друзья ему не нужны, а нужна любовница. Мы совсем разругались, сидим по разные стороны заднего сидения, отвернувшись друг от друга. Возле своего дома я выскакиваю из машины с уверенностью, что никогда больше его не увижу.

* * *

Дома я злюсь, наливаю чай. Пью, смотрю в окно. В стекле мое отражение с чашкой в руке. В доме напротив, на пятом этаже, как всегда не зашторено окно и включен компьютер – васильковый цвет экрана и рябь. Видимо, кто-то спит, забыв выключить. Или работает ночью.

Странно, что именно сегодня, ранним утром, оставшись наедине с собой, я впервые задалась вопросом: «кто я» – скользь взглядом по темным крышам домов. Кто я, куда иду, и туда ли, куда действительно хочу? Пока повернуться и сменить направление не поздно. Вслед за тем захлестывает неуютное ощущение от прошедшего вечера. Это какая-то чужая история, которая не должна была приключиться со мной. Вдруг, становится по-детски обидно: «мне не нужны друзья, мне нужна любовница», – это он говорит мне. Чувствую себя какой-то уцененной ношенной блузочкой в магазине second-hand. Долго ворочаюсь, бормочу возмущенные запоздалые колкости, никак не могу заснуть от обиды и злости.

* * *

На следующий день одна отправляюсь в кино. Все мысли только о том, где бы найти сюжет будущего рассказа. Я же обещала доброй тетушке-заму принести что-нибудь необыкновенное. Ищу историю. Разглядываю людей вокруг.

Внутренний фон накладывает на глаза какую-то незримую пленку, сквозь нее лица, предметы, улицы, здания меняются. Картотека пленок в моей голове. Они вкладываются, как кадры, в особый диапроектор. На белом полотне экрана отображается нечто. Пленка сытости. Довольства. Розовые стекла. Грусть и апатия. Критика всего окружающего. Желтые стекла. Черно-белое. Логичное. Иррациональное. Клетчатые и полосатые. Выборочные. Выделяющие. Я передвигаюсь в своей плоскости людей и лиц. И вижу лишь то, что хочу сейчас. Все это диктуется особенностями выбранной пленки.

Интересно, смогу ли я однажды увидеть все по-другому. Сразу. Правдиво. Со всех сторон. Почувствовать, как «все сразу» притягивает к земле неизмеримой массой. Тогда придется видеть не просто старушку с авоськой, мирно бредущую мне навстречу по такой-то улочке. Но увидеть необозримую массу, вдавившую ее в нее саму. И разложить компоненты. Школа. Первая любовь, первый аборт, гражданский брак, совместное имущество. Война. Работа, терпение и труд. Сын спился после армии, внук просит денег: «Бабуль, маме опять задержали зарплату». Свобода, ограниченная вещами. Медленно, годами, мы проявляемся в тех, какими, в итоге стареем и умираем. И руки извне день ото дня все отчетливей прорисовывают наши лица.

Надо писать новый рассказ. Нужен главный герой, нужен сюжет, а на душе тоска и пустота. Нет постоянной работы, денег в обрез и еще этот странный тип, наглый художник с немецким гражданством. Редактор пометил на двух рассказах «красиво, но неправдоподобно» и попросил прислать что-нибудь другое. А мне так хочется создавать красоту. Пусть

и неправдоподобную. И еще – чтобы мои истории были теплыми. Я хочу быть ангелом-хранителем и делать своих героев счастливыми.

Хотя почему бы не попробовать другой метод – написать что-нибудь прямо из жизни, не придуманное, не приукрашенное, как есть. А героями сделать обычных людей. Вот я и ищу героев своей будущей повести.

В кассах Киноцентра на Краснопресненской – давка. Покупаю билет, даже не спросив, на какой именно фильм, мне все равно. «В зал номер три, пожалуйста». Почему-то последний билет, все раскупили.

В зале темно, фильм уже начался. Название, по странному совпадению: «Небо над Берлином». Про акробатку, которая летала под куполом цирка с искусственными крыльями. В нее влюбляется ангел, живущий на крыше собора святого Павла в Берлине. Он чувствует ее одиночество, читает ее мысли, приходит к ней во снах. Цирк закрывается, девушка-акробатка остается совсем одна, не знает, куда ей теперь идти. И тогда ангел отказывается от вечности, чтобы стать обычным смертным человеком и быть с ней.

Фильм начинается словами, которые могли бы быть хорошим эпиграфом, я записываю их на всякий случай в записную книжку:

«Когда ребенок был ребенком, у него ручки свисали вдоль тельца, так он и ходил. И хотелось ему, чтобы этот ручеек был речкой, речка – многоводной рекой, а эта лужица – морем.

Когда ребенок был ребенком, он не знал, что он ребенок, его все воодушевляло. И все души были для него единым целым.

Когда ребенок был ребенком, была пора задавать такие вопросы: почему я – это я, а не ты? Когда началось время и где кончается пространство? И не сон ли всего-то наша жизнь? Может быть, это только иллюзия мира, не настоящего мира? И существует ли на самом деле зло и люди, которые по-настоящему злы? И как может быть, что я, будучи самим собою, раньше не был самим собою? И как может быть, что я, будучи самим собою, когда-нибудь буду тем, кем сейчас не являюсь?»

Повезло же девушке-акробатке, а еще режиссеру и сценаристу. Вот это история! Мне хочется верить в любовь, и я верю, что так может быть. Что когда-нибудь подобное может случиться и со мной, – найдется ангел, который поймет, полюбит меня и спасет.

И когда-нибудь потом я обязательно напишу про это.

* * *

Вечером звонит Коля, как ни в чем не бывало, болтает всякие новости редакции. Что гонорары так и не начислили. И еще, что сегодня компьютеры редакции нечаянно подцепили новый вирус. Теперь вся система на два дня вышла из строя. Почему-то слушаю его, смеюсь, не бросаю трубку, не даю понять, что обижена. Неожиданно, он сбивчиво просит прощения за вчерашнее. Говорит, что у него поехала от меня крыша, и он сам не понимал, что вытворяет. Желая загладить вину, кротко приглашает завтра на выставку фотографий.

Я опаздываю, иду быстро-быстро, а потом почти лечу через парк. Сквозь свежую листву светит солнце, как золотой глаз с длинными ресничками лучей. Я бегу мимо черных и серых стволов, чувствую, что жива, мелькают ветви с сочными нежными листьями, земля, камешки дорожки, клочки неба, голубого-голубого и чистого, что, как ни старайся, такое не нарисуешь. А где-то в городе, в центре ждет меня пока непонятный человек, он как будто читал мои мысли, понял, что был не прав, извинился, и меня уже тянет к нему. Сейчас я верю, что жизнь прекрасна. Мне кажется, что это и будет именно та история, где все получится.

Станция метро Кропоткинская похожа на античный храм. Почему-то всегда здесь вспоминаю тот день, когда проснулась в гостинице, у подножья горы Парнас. Было раннее утро, свежесть неба тянула на балкон, мельком увидеть и навсегда запечатлеть в памяти вершину горы. Я двигалась в полусне. Вдруг, сильный удар, съезжаю на пол, сжимаюсь, так сильна эта боль. Вход на балкон был закрыт дверью из прозрачного, толстого стекла, которое я не увидела. Чувствуя боль, я смотрела на Парнас, недостижимо и гордо вззирающий на меня.

В центре ярко освещенного, белого зала метро, долговязо прижавшись к колонне, ждет меня Коля в своей причудливой фуражке и в вельветовых штанах болотного цвета, с подтяжками а la Titanic, недавно вышедший и всеми любимый фильм. Он дарит мне белую розу. И в знак примирения на ломаном английском поет какую-то песенку.

Мы идем на выставку в Манеж мимо строящегося Храма Христа Спасителя, о чем-то говорим, я не замечаю улицы, а только вслушиваюсь в первые аккорды какой-то музыки.

– Знаешь, в Москве такие девушки, чуть что – сразу прыгают щучкой в постель. А ты ни на кого не похожа. Тот таксист, что нас вез, сказал, что я ничего не понимаю, что такая девушка, как ты, встречается раз в жизни. Он сказал, чтобы я бросил всех ради тебя. Он думал, что ты моя девушка, что мы давно знакомы.

* * *

На выставке фотографий в Большом Манеже мы ходим, будто пришли порознь. Каждый в своих мыслях. Я смотрю на фотографии, удивляясь, скольким люди жертвуют, желая прорваться к славе. Особенно поразил стенд «Fashion на кладбище»: могилы со свежими венками, а на переднем плане женские фигуры в черных прозрачных одеждах. Я спрашиваю Колю, нравится ли ему это. А он спокоен, его ничего не удивляет. Наблюдаю за ним искоса. Все больше и больше кажется, что он похож на вампира. В нем есть что-то дрянное, отталкивающее, холодное. Он истощенный. Голодный. Надломленный. Его кожа серо-зеленого цвета.

Зато мне очень понравилась одна фотография – рисунок на стене храма святого Павла – углем. Перед ней Коля принялся рассказывать, где они с родителями живут, произносил какие-то немецкие названия улиц. Под впечатлением от вчерашнего фильма, конечно же спрашиваю, смотрел ли он «Небо над Берлином». А он заявляет, что даже был на премьере, во Франкфурте.

– Вот, видишь, в стоящих работах все натурально, максимально приближено к жизни. Кажется, что снимок сделан случайно, без всякой предварительной подготовки, – с видом знатока объясняет он.

– Интересно, а если так же писать – не зная, что будет на следующей странице. Без всяких планов и задумок. Как будто диктует сама жизнь.

Он не ответил, потому что, погруженный в собственные мысли, разглядывал название какого-то коллажа. Роза завяла, мы незаметно оставляем ее в Манеже. На полу.

После выставки пошли в недавно открывшийся на Тверской клуб «Территория», пили кофе, он показывал альбом с фотографиями своих работ. Мне больше всего понравился один рисунок: на голубом холме, обхватив колени руками, грустит малюсенький, в бейсболке, ангел.

И тут немного потеплевший, разоткровенничавшийся Коля признается, что у него огромные проблемы с паспортом, с пропиской, с работой. Есть одна подруга, Валерия, на которой он собрался жениться, чтобы их решить. Взамен он обещал купить ей диджейские вертушки. Вся эта информация окончательно сбивает меня с толку. Я путаюсь в калейдоскопе его проблем и девиц.

* * *

По пути домой читаю Юнга, который тоже задавался вопросом, что отличает талантливых людей от сумасшедших, юродивых и придурков. Пишет, что псих несет всякий бред, а талантливый человек берет и делает. Рисует картину. Снимает фильм. И добивается понимания. Потому что талант, как черный ворон, севший на плечо, стремится жизнь человека в определенном направлении, подчиняет ее своим законам, затягивает в какой-то темный замкнутый круг. Смешно, но иногда я хожу в церковь и прошу у бога, чтобы он послал мне талант. Интересно испытать, как это, когда ты одарен чем-то свыше. Интересно узнать это ощущение – что черный ворон таланта затягивает тебя куда-то.

* * *

Лето пролетело так быстро, будто кто-то в очереди к парикмахеру без интереса небрежно пролистал журнал и кинул его на место. Журнал упал и вылетело несколько страничек.

§Страничка первая

Как-то вечером я от нечего делать написала рассказ «Украденные улыбки». Позже тетушка, заместитель главного редактора, позвонила и торжественно объявила, что мой рассказ пойдет в следующий номер. Его напечатали в последнем номере журнала. На сорок шестой странице. Как раз перед закрытием.

Украденные улыбки.

По большой дороге на огромной скорости несется машина. Назад убегают огоньки домов и ночь. В машине едет человек, лет сорока, один. На заднем сидении лежит ружье, заряженное. Шумит двигатель. Человек хмур и полон мрачной решимости. Сквозь холод и дождь его куда-то несет. Он едет, чтобы больше никогда не вернуться. Есть одно местечко, придется ехать почти всю ночь, зато там тихо, безлюдно, никто не помешает. Вдруг, из темноты, рассеянной светом фар, возникает силуэт, одиноко голосующий на обочине ночи. Человек в машине сначала хочет проехать мимо.

«А, какая разница. Все равно», – думает он. И нехотя тормозит. Передняя дверь распахивается, заглядывает кто-то, слегка под шефе, бормочет название ближайшего городка и напряженно прибавляет:

– Сколько? – машина наполняется характерным запахом выпившего.

– Денег не надо, – сухо произносит водитель.

И кто-то радостно плюхается на переднее сидение рядом с ним. Живо и дружелюбно осматривается. Оборачивается. Замечает ружье. Машина пропитывается напряжением, слышно, как у попутчика начинают стучать вены в висках. Он нервно поглядывает на дверь, на всякий случай нащупывая ручку.

– Я Вас не трону, – спокойно произносит водитель, не отрывая взгляда от освещенного клочка ночной дороги.

– Вы преступник? – спрашивает мало обнадеженный попутчик.

– Нет, просто стреляться еду.

Кто-то резко поворачивает голову и в упор смотрит на водителя.

Машина мчится со скоростью 130 км /ч. Через открытое окно дует холодный ветер.

– Вы спятили?

– Не слишком умный вопрос.

Попутчик начинает тараторить:

– Я не знаю кто Вы. Ноу Вас неприятности. Это бывает. Может быть расскажите, я помогу, если это будет в моих силах. Нельзя поддаваться состоянию аффекта и поступать опрометчиво. Я обещаю, что помогу.

После непродолжительного молчания, обдуваемого ветром и озвучиваемого лишь ревом двигателя, водитель спокойно произносит:

– Вы, что, Господь?

– Нет... зачем... я – хирург... врач... у меня связи...

– Почему тогда Вы, вдруг, решили мне помочь, почему приняли слишком близко к сердцу мое решение. Мы незнакомы... Разве я могу Вам верить? И можно ли вообще верить, разумно ли это? – задумчиво, откуда-то издалека изрек водитель.

– Я знаю, у Вас депрессия, это явно. Мой лучший друг – психиатр, вот такой мужик (попутчик сует водителю под нос кулак с оттопыренным большим пальцем), проблем не будет.

– Разве есть доктора, способные вылечить подгнившую совесть, забродившую душу?

– Нет, но мой друг – профессионал высокого класса, он такие чудеса творит, Вы даже не представляете! Помню, как-то он рассказывал об очень похожем случае из своей практики ...

– Только не надо пересказывать. Я здоров. Приехали – Вам выходить.

Машина тормозит.

– Я не могу Вас оставить. Здесь. С ним, – он оборачивается и указывает подбородком на ружье – А как же ваша жена? Дети, родители? Вы подумайте минутку, что будет? Поставьте себя на место кого-нибудь из них, – шантажировал неугомонный врач.

– У меня никого нет, – человек за рулем курил в приспущенное стекло.

– Дык, может быть, в этом-то и коренится проблема? Дотяните до завтра, а там все найдутся.

– Завтра? Найдутся? Ну, если только какие-нибудь случайные дети. А Вам-то что?

– Любой нормальный человек на моем месте скажет, что это грех и это ужасно. А я, как врач, скажу более: там не будет ничего, кроме бессмысленного мрака, кроме пустоты. Разве можно вот так, как Вы, предавать жизнь. Это непозволительно, это безумно с любой точки зрения. Заклинаю, одумайтесь, поверните все вспять!

– Я теряю время на пустые разговоры. Они далеки от сути, – спокойно произнес водитель, задумчиво разглядывая темную даль.

Попутчик покидает машину, ныряя в ночь, отъезжающий слышит, как он продолжает что-то говорить-говорить самому себе. А бешеный двигатель толкает машину вперед. И шумит и шумит в сизой темноте.

Через пару километров что-то опять мелькает в свете фар, заставляя водителя притормозить. Передняя дверь распахивается. Заглянувший вежливо просит:

– Дарагой! Давэзи да ближайшей станции. Тут нэдалэко. Вот деньги. Памаги. Очэнь нада.

– Садись. А деньги спрячь.

Улыбающаяся физиономия и шелест убранных в карман денег. Кто-то, крикнув, усаживается рядом, настроенный «пагаварить, што за жизн пашла, адны праблэмы».

Далее следует непонятная тирада, в переводе, возможно, нецензурная. Водитель докуривает сигарету, пронзая взглядом лобовое стекло. Кто-то замечает ружье.

– Хххароций ружье! Ты охотник! Уважжэжаю!

Его резко обрывают:

– Я не охотник, моя жена мне изменила. Я решил ее прикончить.

Осознав услышанное, попутчик характерно встряхивает руками:

– Ты шииито, опомнись! Канчай, слуициций! Умерь себя. Знаешь, у меня гостеприимный дом. Поехали. Моя жжжженицина накроет стол. Щацлык. Вино. Пагаварым. Залэчим раны. У кого их нет! А завтра новый день. И все будет новое. И деньги. И женицины. И возможности.

– Спасибо, я вегетарианец и пью только виски. Как-нибудь разберусь сам. Вам выходить.

Незнакомец ныряет в ночь, растерянно жестикулируя в темноте.

Задумчивый человек едет дальше. Кажется, впереди снова кто-то движется по обочине. Он машинально тормозит, сам не зная, почему. Внутрь заглядывает девушка с очень грустными глазами и спрашивает:

– Подвезете?

– Куда?

– Вперед.

– Садись.

Она запрыгивает на заднее сиденье. Садится рядом с ружьем, совершенно не замечая его. Машина мчится. Девушка смотрит на вырванную светом фар и редких фонарей дорогу, на придорожную темноту. Человек за рулем разглядывает в зеркале ее лицо. Опущенные уголки губ. И впервые за эту ночь заговаривает сам:

– Что так кисло-то? Улыбнись!

– Да как-то сейчас не могу.

– А чего это?

– Разучилась улыбаться.

– Это как?

– Ну, так.

– Расскажи.

– А можно я лучше сказку расскажу?

– Давай, – хмурый человек сдерживает улыбку.

И она начинает сказку: «В одной стране жил-был принц. А в другой стране жила-была принцесса. На балу у одного знакомого графа они случайно встретились. Оказалось, что они похожи друг на друга, как две капли воды. И они полюбили друг друга так, как любят раз в тысячу лет.

Сильно-сильно. Он подарил ей карету цветов, кольцо и белое платье. И на следующий день намечалась их свадьба. Наступила ночь. Принцесса спала. Видела во сне любимого и улыбалась. А на высокой горе в страшном сером замке с острыми башнями жила ведьма. Она собирала улыбки людей. У нее была целая огромная коллекция самых разных улыбок. Ночью ведьма превратилась в змею, вползла в открытое окно и украла улыбку принцессы.

На следующее утро принцесса проснулась и не смогла улыбнуться солнцу. Не смогла улыбнуться новому дню. Не смогла улыбнуться своим родителям, королю с королевой. И даже принцу она в тот день не смогла улыбнуться.

А он подумал, что она его не любит так сильно, как он ее. Принцесса прошептала свое «да» в церкви, но принц не поверил, потому что она не улыбалась, и ему показалось, что у нее очень унылое, расчетливое лицо. Он подумал, что она любит кого-то другого. И уехал прочь. Навсегда. Тоже очень грустный...»

По щеке человека за рулем текла скупая, возможно, первая в его жизни, возможно, тридцать первая или три тысячи тридцать первая мужская слеза.

– А вот меня никто никогда не любил, – тихо признался он.

– Вы демон, да? – убежденно спросила девушка.

– Нет, напротив, я – добрый волшебник. А наш удел – одиночество и чудеса.

– Значит, Вас обязательно скоро полюбят, честное слово!

– Честных слов так мало... А к тебе вернется твоя улыбка. Завтра утром. Я обещаю. Вот увидишь!

Машина остановилась.

– Удачи, – шепнула грустная девушка и исчезла в ночь.

Он мчался дальше. И уже ждал следующего попутчика. Следующей была старушка, опоздавшая на последний поезд. Она ехала от школьной подруги, тоже старушки, домой, потому что голодная собака ждала ее и скулила. Бабушка сразу заявила, что денег у нее нет.

– А мне и не надо, – спокойно сказал водитель.

Они ехали, он молчал, а бабушка что-то говорила-говорила, потом заметила ружье и тут же умолкла.

– Еду грабить продовольственные склады, убью всех, кто помешает, – спокойно ответил он на молчание, пронзая взглядом лобовое стекло, – Вас не трону, так как бабушек очень уважаю и всегда в таких случаях берегу – добродушно прибавил он.

Старушка обрадовалась, что удастся еще немного пожить, накормить голодную собачку и довязать свитер. Через минуту она совсем успокоилась и пошла в наступление:

– Плохие шуточки, молодой человек.

– Я давно не молод и не шучу.

– Но это же насилие, грубость, бардак. Они сейчас повсюду. Хоть вы одумайтесь. На вид такой симпатичный. Порядочный. Ну, мало ли, что накатит. А надо себя в руках держать!

– Каждая минута таит в себе кусочек ада, – пробормотал он слова из любимой песни. – Всякая мысль – не более чем бессмыслица, и приносит боль... – пробормотал он слова из другой песни.

– А знаете что, остановите-ка машину. Что-то я в вас разочаровалась. Не нравятся мне ваши шуточки. Как-нибудь сама доберусь.

Гордо поправив пучок, она с несвойственной для бабушек ее возраста живостью выскочила в ночь. До места оставалось совсем немного.

Коля Ельников, художник 18 лет от роду расслаблялся в гостях на даче у друзей. Они пили пиво, болтали, заедая все это воблой, икрой и оливками, слушали синтетическую музыку, и было «по приколу»... до тех пор, пока в 00 часов 47 минут не позвонила Колина девушка Женя и не заявила, что хочет, чтобы он срочно оказался рядом. Ельников, недолго думая, распрощался с друзьями и пошел в ночь, где голосовал под дождем на большой дороге, размахивая руками в надежде поймать какое-нибудь захудалое средство передвижения.

Послышался шум несущейся в нужном направлении машины, которая через минуту оказалась добротным джипом, что остановился возле спешащего к любимой художника.

Ельников энергично открыл дверь, увидел человека, которого тут же про себя обозвал «хмырем», и вежливо спросил:

– До города довезете?

– Денег не надо.

– А я не предлагаю, у меня сейчас ни копейки.

– До города не повезу. До полнута.

Ельников поморщился: «Сбой системы! Придется ловить другую машину. За нее уже точно запросят деньги. Женька ждет. Нехорошо». Он заметил ружье.

– А Вы случайно не стреляться едете?

– Совершенно верно, – ответил обрадованный догадливостью попутчика хмурый водитель и поинтересовался, – как ты угадал?

– Я насквозь вижу людей, – художник Коля сказал первое, что пришло на ум.

– Здорово. Хочешь, поедem со мной?

– Не, как-нибудь в другой раз, я пока стреляться не стремлюсь. Я жить хочу. Меня Женя ждет.

– А меня никто не ждет... И мне это даже нравится.

«И не удивительно: кому нужен такой угнетающий хмырь», – подумал Коля.

– Ты не понял. Стреляться буду я. А ты потом заберешь и увезешь, куда захочешь, мою машину.

От услышанного Коля пришел в непонятное ему самому оглушенное состояние.

«Все особенно странно этой ночью», – подумал он.

Они ехали, молча. Человек думал о своем, а оживающий постепенно Ельников пытался осознать значение свалившегося на него случая. По правую сторону дороги растянулось на многие километры необъятное поле. Остановились.

– Вот и приехали, – сказал человек. Их глаза встретились в зеркале.

– Скажи, а вот теперь ты хочешь, чтобы я жил? – торжественно спросил водитель.

Ельников в следующее мгновение успел про себя ругнуться и рассудил таким образом: «Если хмырь застрелится, на машине можно быстро доехать к Жене. Если останется жить, к Жене приеду позже, зато со спокойной совестью. Пусть живет. Заработаю, джип куплю года через два-три. А может и быстрее. С другой стороны, зачем мне джип, есть же много других хороших машин!?»

– Конечно, какие вопросы, – сказал Коля.

– Тогда бери ружье, выходи и стреляй в землю.

Ельников вылез и послушно стрелял в землю. Земля вздрагивала от боли и ужаса, содрогаясь на всю округу. Тем временем хмурый человек вынул из-под сидения какую-то папку, положил под мышку. Тоже вылез. Подошел к Коле и протянул руку:

– Ты хороший парень. Будем знакомы. Майор Кертис, эсквайр.

Ничему уже не удивляющийся Коля пожал широкую волосатую руку мужчины.

– Очень приятно. Художник Коля Ельников... не эсквайр... но когда-нибудь обязательно стану знаменитым. Вы обо мне еще не раз услышите.

– Обрати внимание, вон там ряд огоньков на поле. Это мой самолет. Я улетаю, а ты, счастливчик, гоняй на тачке.

– А зачем нужно было ружье и весь этот спектакль со стрельбой в землю?

Пилот услышал условленный сигнал и разогревает двигатель. Кроме того, не хочу оставлять отпечатков. До свидания.

– Чао, – бросил Ельников. Сел за руль, и, окончательно потеряв способность удивляться, поехал к своей девушке Жене.

Когда я вышла из машины, оказалось, что до города еще очень далеко. Вокруг была ночь. Шел дождь. Было холодно. И ни души вокруг. Грустные мысли поглощали меня: «Год длился долго... и больно... Последний разговор... Послушай!.. дальше нельзя... смотришь гордо... похожи... всегда только ты... даже не слушаешь... трудно... не хочешь понять... жалко... значит всё? Все».

Дальше было движение в разных направлениях. Непонятное ожидание, улыбка потерялась. Пустые улицы, череда лиц, проплывающих мимо. Ненужные слова, разбивающие тишину. Корни и ветви, пронзающие бессильные руки. Вернись! А этот молчаливый водитель пообещал, что все будет хорошо утром. Успокаивал? Куда же бежать от себя дальше? Я шла в город весь остаток ночи, раздумывая в темноте.

Утром хмурый майор Кертис, эсквайр, раскладывал в штабе перед коллегами бумаги. Он не думал ни о предстоящей высокой оплате труда, ни об отдыхе, вилах, женищинах; он с какой-то необычной грустью думал о змее, украсившей улыбку принцессы: «Надо начинать жить как-то иначе. Только вот как?»

Хирург, в операционной, держал в руке только что отрезанную селезенку и рассказывал другу-анестезиологу о приключении своей пьяной ночи:

– Нет, из меня психолог нулевой!

– Надо послушать последние новости. Не застрелился ли кто этой ночью на дороге...

– Точно, сейчас, дошью живот и пойдем.

Грузин ел сациви. И, вдруг, с ужасом, понял, что если узнает об измене своей женичины, тоже прибьет ее. От этого кусок сациви царапал ему горло: «Что за жизн, адны расстройтва! #tyj\$%ik^&nt());jl_^qw%\$gjzx#b%g?» – дальше мысль бурлила на родном ему и неизвестном автору языке.*

Коля Ельников сидел за крохотным столиком в кофейне «Донна Клара», возле Патриарших прудов, смотрел сквозь окно на свой новенький джип, в пятый раз рассказывал о счастливой ночи своему другу журналисту Леониду и своей девушке, Евгении. Но они не верили ни единому слову:

– Ладно, хватит издеваться, – возмутилась Женя.

– Да я серьезно! – и он начал рассказывать все снова, в шестой раз.

Старушка вязала свитер и слушала радио, с нетерпением ожидая жутких новостей о ночном грабеже. Но почему-то ничего такого не передавали. Все последние новости касались вспышек коровьего бешенства, инфляции и наводнений.

Очень усталая, я вошла в квартиру. Ноги болели. Я сползла на пол, села на корточки, прислонясь к дверному косяку, и уловила писк телефона. Усталая рука снимает какую-то особенно тяжелую сегодня телефонную трубку. А там голос, который я с нетерпением, в тайне от себя самой, ждала целый год или даже дольше, десять, сто, тысячу лет.

– Где тебя носило? Я звонил!

– Это важно?

– ДА!

– Но год прошел?

– Ну и что? Мы вместе?

– Да.

В это время что-то стукнуло в оконное стекло. С улицы доносились голоса детей. Я вышла на балкон и выглянула во двор. За подоконник зацепился воздушный змей. У него была задорная улыбающаяся рожица. Ветер трепал его хвост с завязанными разноцветными бантами. И тогда я тоже улыбнулась. Впервые за этот год, впервые за эту тысячу лет...

§Страничка вторая

Из-за разразившегося этим летом банковского кризиса журнал закрыли. Редакция опустела. Потом в помещение въехала неизвестная фирма. Деньги у Коли быстро кончились. Звонил он редко. И каждый раз демонстрировал силу духа, с которой встречал безденежье и навалившиеся трудности. Как-то в середине лета мы встретились, и целый день бездумно бродили по городу.

Я сижу на мосту, верхом на перилах, а он держит меня за талию, и мы начинаем целоваться в губы. Потом сидим на скамейке в Серебряном бору, и он говорит, что не хочет «иметь мозги под линейку и жить, как все». Даже впроголодь он пытается реализовать свои безумные проекты и собирается участвовать в августе в какой-то выставке. «Я всегда буду художником. Всегда буду ломать преграды, которые ставит мне жизнь. Нельзя идти не по поводу у судьбы. Ее нет», – сурово заявляет он.

Два часа спустя знакоюсь с его рыжей персидской кошкой. С первого же взгляда кошка меня невзлюбила, исцарапала и норовила укусить за руку каждый раз, когда я пыталась погладить ее.

Сидим на диване, целуемся, обнимаемся, гладим друг друга. Это приятно. Играет его любимая синтетическая музыка. За окном – дождь. На полу валяется ворох журналов, старых и новых, какие-то каталоги, альбомы фотографий. Кошка неторопливо бродит по подоконнику, удивленно рассматривая капли, брызги дождя на стекле и изредка оглядывает нас. Потом идем на кухню, молча, пьем кофе, он украдкой отстраненно наблюдает за мной. Он как летний дом, дачники из которого уехали, закрыв ставни и забив двери. И вдруг, ни с того ни с сего, жестоко, с вызовом заявляет: «Ты ничего не знаешь о жизни и о людях. Живешь, как в клетке, из которой тебя изредка выпускают. Ты слабенькая. И несамостоятельная. Окажешься на воле, один на один с окружающей жизнью – погибнешь от бессилия и неспособности бороться». Пытаюсь возразить, а сама удивляюсь, почему я все это терплю. Ставлю чашечку с кофе на блюдце. Направляюсь в коридор, начинаю собираться, но он останавливает меня, ловит за предплечье, возвращает на кухню и усаживает допивать кофе.

§Страничка третья

На последние деньги он купил корм кошке и букетик васильков – для меня. Он очень худой, потому что ничего не ест. Я купила чипсы и мы их ели в темноте около памятника Пушкину. Он, дрожа от голода, отправлял в рот целые стопки чипсов, а меня уже тошнило от этого соленого суррогата. Такой резкий скачок из моей реальности в его дикий мир.

§Страничка четвертая

Мы в метро, на дерматиновом диване несущегося в направлении его дома поезда. Полупустого. Напротив только две девушки. Одна из них снимает свитер и остается в беленькой обтягивающей рубашечке без рукавов. Он уставился, она поглядывает на него и как бы случайно выпячивает влажные губки. Очень необычное ощущение: будто меня здесь нет, и все это – за стеклом, меня не касается, но ранит где-то в глубине.

– Симпатичная девушка. Ее можно фотографировать. Пойди-ка, узнай, сколько ей лет.

Я подсаживаюсь к девушке и спрашиваю, сколько ей лет. А позже, на станции, он записывает дрожащей от голода и восторга рукой под ее диктовку телефон.

Несколько минут спустя, у него дома, я прижимаюсь к стене и смотрю в окно. Он пытается меня обнять, но я сопротивляюсь, потому что ничего не понимаю. Это похоже на слова и действия, которые просят исполнить актера на сцене, не посвящая в сюжет спектакля. Или на игру по неизвестным правилам. Я не люблю так.

§Страничка пятая

Из Берлина приехал его друг, немецкий журналист со своей девушкой: писать репортажи об очередном кризисе в нашей стране. Я собиралась расспросить его о Коле Ельникове. Но все произошло скомкано и сумбурно. Мы ждали, пока парочка вернется с прогулки по Москве, пили кофе на кухне и рисовали на куске бумаги всякие рожи. Они пришли поздно, Коля поспешно заявил, что оставит их на ночь в квартирке одних (ему было неудобно спать с ними в одной комнате). И утащил меня, так и не успевшую толком познакомиться с ними.

Мы были в гостях у его друга Леонида, второго зама главного редактора закрывшегося журнала, теперь тоже безработного и голодного журналиста. Опять молчаливые взгляды, непонятные мне. Смотрели фильм Дэвида Линча, до конца не досмотрели, ушли.

Он проводил меня до дома и остался на ночь. Жадно ел бутерброд с сыром у меня на кухне. Мы спали в обнимку, целовали друг друга во сне. А утром молча пили кофе кухне, которая почему-то стала похожа на забегаловку, куда мы зашли порознь, не зная друг друга до этого. Он сказал, что у меня никчемная прическа и никуда негодные брюки. Какое странное чувство. С ним я становлюсь маленькой и невзрачной. Еще он бросил, что вечером будет в «Территории» и как бы между делом пробормотал: «Ты тоже можешь прийти, если хочешь».

Вечером меня зачем-то несет в «Территорию». Оправдываюсь перед собой, что просто хочу как-нибудь убить время. К тому же мы все-таки ночью были вместе. И он пригласил. Еду в метро, посмеиваясь от мысли, вдруг, он и есть тот ангел, с собора Святого Павла в Берлине, который меня нашел, чтобы спасти. Ничего не поделаешь, какова я, таковы и все мои ангелы.

Вхожу в клуб, он сидит за столиком с какой-то девушкой, занято место и для меня. Они разговаривают о выставке, о порт-фолио, пленках, рамках. Незнакомые, пестро одетые, перекошенные, обмотанные бутиковым тряпьем люди подходят к нему, спрашивают, как дела, а Коля отвечает: «лучше всех». Он в шуме музыки, в духоте от огромного количества людей покачивается в такт, объясняет что-то двум девушкам, одна из которых – фотограф – показывает ему снимки Love-парада в Берлине. А я уперлась взглядом в экран, где в ритме с огромной скоростью двигаются картинки. Черно-белые и цветные. Тону в этой целлофановой, поролоновой музыке. Чувствую, что обошлись бы и без меня. Чувствую себя чужой, пытаюсь убедить себя, что все так и должно быть: небрежный стиль, богема, свобода. Почти убеждаю. Но где-то остается оскомина. Я не такая. И мое место не здесь.

Мы вдвоем бродим в темноте по Тверской, разглядываем игрушечную железную дорогу в витрине. Коля задумчиво, будто бы самому себе, говорит, что в Берлине у него была такая же, когда он был маленьким. Там в Берлине все слишком хорошо и скучно: богатые родители, трехкомнатная квартира в центре, полный покой и сытость. А здесь в Москве трудно, зато интересно.

Распрощались в метро. Он уходил, не оборачиваясь, думал о своем, и, кажется, сразу же забыл о моем существовании. У него есть его поп-арт, полно идей и вокруг много знакомых, которые одалживают деньги, оставляют ночевать, кормят, помогают в осуществлении проектов.

А я вернулась домой. В свою пустую квартиру. Посмотрела на диван, где мы спали вместе. Разве нормально так. Хотя, богема, свобода, никаких обязательств. Да, нормально. Но оскомина. Никуда от нее не деться.

А потом была осень. Желтые листья кленов, мокрый асфальт, нахохленные голуби, из шкафа достать пальто, раскрытый зонт сохнет посреди комнаты... зачем о ней писать, уже все написано у Пушкина, классиков и всех прочих.

* * *

Чтобы найти среднее, к примеру, из чисел 2, 4, 7, 8, 23, складываешь их и сумму делишь на количество цифр. Получается среднее – 8,8.

Если вывести среднее из наших осенних встреч, получился бы примерно такой сюжет.

Он звонит, тусклым голосом признается, как одиноко без денег в чужом городе да еще когда все подружки отвернулись – ведь ты теперь не в состоянии водить их в разные дорогие кафе; дела не улучшаются, не хватает даже на корм кошке. Мне жалко его. И он, будто бы это почувствовав, предлагает встретиться, просто пройтись по городу. Я радуюсь. Мне хочется хоть как-то согреть его и чем-то помочь.

Зеркальце, а в нем – глаз. Сначала это просто глаз, голубой, со слегка расширенным зрачком. Никакой мистики. Кусок нерва, отросток мозга. Зато он блестит, движется, видит и мало что от него ускользнет. Накладывается грим, глаз становится ярким, заметным.

Еду в метро, в поезде читаю книгу, улыбаюсь своим мыслям, мне уютно и хорошо быть собой. Замечаю Колю, рассеяно плывущего в центре зала. Подкрадываюсь со спины, зажимаю его глаза ладонями, как в фильмах. В это время происходит совсем не то, что я ожидаю. Он разворачивается и делает мне замечание по поводу опоздания или заявляет, что на мне опять не те брюки, или в моей руке журнал, который он считается попсовым. Неужели такие мелочи, слабые уколы заставляют меня чувствовать сбитой с толка. Он рассказывает о своих планах и проектах так, будто уже все воплотил и дает интервью в самодовольном стиле человека, который давным-давно добился признания. А меня он не слушает. Словно я всего лишь промежуточный персонаж, а главный герой этой истории – он. Будто я больше не звезда, а всего лишь потухший кусок камня, увлекаемый во вращение неведомой силой какого-то крупного космического объекта. Меня гасят, начинаю чувствовать себя маленькой и ущербной. Не такой сильной. Из-за этого все маски и сценарии летят в тартарары, я иду с ним рядом, стараюсь казаться веселой, но что-то не так. Оскомина.

Не что иное, как ощущение себя промежуточным персонажем. Чувствуешь черную дыру, куда утекает жизнь кого-то. И кто-то перетекает от тебя в черную дыру. В черный квадрат.

Главный герой одной истории станет промежуточным персонажем в другой. Трагедия. Чувствовать себя лишь этюдом или репетицией. Ты был нужен, чтобы приоткрыть дверь. Тогда проходящий мимо герой увидит, что творится в комнате. Вдруг понимаю, что он эпизодичен для моей жизни, а я – для его. Начинаю жить мгновениями. Будто сижу за кулисами и мне понятны все трюки этого театра, а на сцене и в зрительном зале кто-то другой.

* * *

Утешает лишь то, что сижу я, не сложа руки. Я провожу исследования на тему – что влияет на красоту и талантливость письма. После практических занятий в этом направлении, могу сказать, что на красоту и талантливость моего письма не влияет состояние здоровья, объем выпитого, характер и профессии людей, с которыми я общаюсь, цвет их волос и глаз... но влияют мои эмоции и мысли, читаемая в данный момент книга и ощущение своей необходимости для мира вообще, и для какого-нибудь конкретного человека, в частности.

Но мне все больше и больше кажется, что чтобы писать, надо становиться главным героем. Многих историй. Борьб за главное место, даже тихо наблюдая со стороны. И иметь душу главного героя.

* * *

Она сидит перед большим квадратным зеркалом, чужие руки тонкой кисточкой рисуют ее. Нарисовали длинные каштановые волосы и зеленые глаза, тонкие бледные руки и ноги, маленькие груди. Так странно, когда картину рисуют извне, когда вне плоскости появляются штрихи, тени и складываются в ее тело.

Ее одевают в длинную юбку с поперечно идущими черными полосами, в рубаху-сеть и шутивым пинком подводят к двери. Она идет по серебристому настилу-дорожке, показывая бедрами, уставившись в никуда остекленевшими глазами. Она разворачивается, смахивает волосы с лица, китайцы в черных костюмах-кимоно в упор смотрят на нее, худую женщину иной расы. Ее груди, неплохо зримые сквозь сеть рубахи вызывают у сидящих мужчин легкий зуд. Она подходит к специальной установке, которая распиливает ее вдоль

на две равные половинки. Половинки продолжают идти, каждая половина рта улыбается. А они смотрят на срез ее диафрагмы, силуэт легкого, содержимое половинки желудка, на ходу переваривающее, на кишки, уложенные в брюшной полости сальным удавом, на выделение соков ее тела. Они видят срез ее небольшой матки, готовой к месячным, и влагиалища, покрытого капельками росы, и внутренние поверхности ее ног, и половинки бедер, покачивающихся при ходьбе. Она приближается к следующей установке, из которой выходят уже четыре части, продолжающие идти, покачивая бедрами и улыбаясь кусочками рта, а они все разглядывают срезы ее тела. Врач, присутствующий на показе признает ее правую почку дееспособной, после чего тем же вечером она ставит подпись на документе, и ночью почка вшивается разжиревшему китайцу с пучком, а назавтра она уже едет в поезде, поглядывая на растолстевшее портмоне, мечтая о доме и теплой ванне.

Вот на что можно разменять талант: долго учиться рисовать, а потом рисовать половые органы и голых баб в разрезах, писать о групповом сексе и сперме, текущей по пищеводу в желудок, о латексе и бандитах из города Бобруйск. Можно учиться петь и после петь матерные песни в таком-то дорогом кафе под аккомпанемент неумных синтезаторов, а вечером смотреть на растолстевший бумажник, предвкушая ужин, новые флаконы духов, бутылочку коньяка, новый джип, костюм, сшитый тем-то.

Сейчас трудно быть реалистом, ведь окружающая реальность иррациональна, алогична, беспорядочна, абсурдна. Трудно выстраивать «чистые», холеные сюжеты, ибо все переплетено и перетекает друг в друга, как липкая грязь под ногами или переминаемая пальцами жвачка. А герои... Массовость, разные типы, направления, секты, течения. Все сожрало само себя. Мир, как процесс самопожирания, превращения сожранного в дерьмо и новое перерождение дерьма в плоть.

* * *

И все же, когда я иду по городу, то слышу музыку. Эта музыка легка, едва уловима. Она парит, она звучит независимо от окружающих домов, их возраста, архитектуры, не зависит она и от рас людей, проходящих мимо, от их одежды, от того, улыбаются они или матерятся, и распухши, угреватые или красны от выпитого их носы. Иногда мне легко, я готова поверить, что еще немного – и взлечу. Иногда я иду, ругая все вокруг, но музыка звучит. И тогда начинаю осматриваться вокруг и видеть. Прошрое, наложенное на сейчас, образует нить или галерею взаимообусловленных деталей, картин, вещей, сюжетов, примет. Я начинаю воспринимать «сейчас» как частицу некой уходящей в «после» плоскости и музыки. Я начинаю верить в Бога и в справедливость всего, что он делает. Я продолжаю играть свои роли и вращаться в них. Так невидимые руки день ото дня все четче рисуют меня и окружающее. Но я все еще надеюсь избежать компромиссов.

* * *

Последнее время меня подкупает идея документального реализма, стирающая границы жизни и искусства. Главный герой у меня уже есть – художник Коля Ельников, с головой утонувший в мечтах стать великим художником. Он говорит, что совсем скоро станет великим деятелем поп-арта, а я в это время буду чистить туалеты. Молчу, потому что списываю его грубость на счет проблем, которых у него сейчас хоть отбавляй и потому, что не знаю, чем бы ответить на подобное хамство.

Ему не нравится, как я пишу. Предложил зайти в гости к настоящему писателю, познакомиться. Писатель Алексей Андреев жил в доме у Киевского вокзала, он оказался худым человеком лет тридцати, бритым наголо на тибетский манер, в очках с черной оправой. Они

обсуждали какой-то сценарий, а я сидела на диване, слушала восточную музыку, вдыхала запах сандала, рассматривала прилепленный к голубеньким обоям рентгеновский снимок черепа в профиль и потрясающий вид из окна на движущиеся по проспекту огоньки фар.

Потом мы пили кофе, ели каштаны, и я читала его коротенькие рассказы о невидимых людях и безумных девицах. Поняла, что нельзя сочинять в пустоту, лучше найти достойную личность и для нее рассказывать. Как бы сидишь за столом, на одном конце ты говоришь, понятно и откровенно, на другом кто-то конкретный слушает. И рассказать так, чтобы на другой стороне стола это было принято, прочувствовано. А кого из моих знакомых можно было бы выбрать в слушатели? Друзей-журналистов? Или музыкантов, перебивающихся в неблагодарном андеграунде, которые изредка заходят ко мне в гости, в том числе, чтобы пообедать? О родственниках и говорить нечего, им все одно, что писатели, что психи. Писательство, говорят – это от сублимации сексуальной энергии. Это, говорят, уход от реальности в мир выдуманных образов вследствие неумения жить. А сами квитанции на свет по часу заполняют. Но кто же тогда?

Может быть Бог. Просто мой единственный и неповторимый Бог, которому не безразлична я, который знает все мои мысли и поступки, возможно, именно он подстраивает некоторые ситуации жизни так странно и необычно, чтобы они превращались в текст. Может, вся жизнь – это и есть большой разыгранный текст. К тому же, когда общаешься с Богом, общаешься с лучшим. А ведь так хочется рассказывать свои истории кому-то, кто лучше меня.

Пока я все это думаю, писатель Андреев, живущий на свои гонорары из гляцевых журналов и на пенсию мамы, и Коля беседуют о том, что из Москвы пора уезжать. А для кого они все это делают? Не верю, что для себя. Чего бы я делала для себя? Ехала в машине и смотрела в окно долго-долго. Или качалась бы на качелях.

Мы встречаемся с Алексеем глазами, и я спрашиваю, что лучше: выдумывать свои произведения, а после, по неведомым обстоятельствам, переживать придуманное, которое вдруг обращается в предсказание, или же брать сюжеты прямо из жизни, но тогда на каждом шагу путаться, забывая, где жизнь, а где литература? Алексей многозначительно плотнул кофе из чашечки, пустил в потолок столб табачного дыма и изрек, что нужен синтез, а в целом никаких рецептов нет, ведь никто не знает, как надо писать и, тем более, как следует жить.

* * *

Мы идем по темной улице, по Садовому кольцу, в сторону ночной Триумфальной площади. Каждый думает о своем. Сыро, мелкий дождь, серые дома. Коля тихонько поет какую-то песню Вертинского. Потом останавливается напротив меня, смотрит с высоты своего роста и, неожиданно, заявляет: «Я тебя люблю, давай поженимся». Вот мгновение. Серый фундамент здания, черный сырой асфальт, капли, темная фигура Ельникова, мы стоим недалеко от «дома Булгакова», мимо проносятся уютные машины, Москва в огнях вывесок и рекламных щитов. И мне кажется, что рядом с ним не я, а какая-то школьница-троечница, в детском восторге обнимаю его, целую и ничего не отвечаю. Он напевает какое-то танго двадцатых годов, которые он очень любит, что-то типа «не уходи, останься, это ведь не шутка», шутка хорошо рифмуется с «жутко», а потом – «жизнь и сердце отдам».

И тогда я отвечаю, что согласна стать его женой. Меня охватывает восторг: как здорово! А вдруг он действительно меня любит, ведь такого человека, как я, нет и не будет больше нигде в мире.

Коля указывает на проезжающую по Триумфальной площади машину, обещает подарить мне такую же в Берлине, когда-нибудь потом. А я делаю совсем неуместное заявление, что скорее всего этого не будет, ведь мы поженимся и вскоре станем бомжами.

* * *

Смотрю на себя в большое зеркало в коридоре моей квартирки. Я и не я, мой персонаж, будущая жена художника в стиле поп-арт, Коли Ельникова... романы заканчиваются на разлуке или на свадьбе. Семейная жизнь крайне редко интересна, она рутинна, тонет в быту и привычках. Анна Каренина, господа Мармеладовы по соседству с семейством Батлеров. Тоска и депрессивная тема. «Уберись на кухне», «blah-blah-blah» – аккомпанемент телевизора, магазины, продукты, работа, пыль на мебели и вещах. Ванна и нестиранные неделю тряпки. Лето, начало осени, слишком сильно топят, в комнатах душно, жирок, разбросанное нижнее и верхнее белье, не отмытая гарь на сковородке, презерватив под матрасом. Потом вдруг дети, внебрачные развлечения, ссоры, морщины, крики, таблетки. Становишься размеренной и степенной, уже не побежишь, сорвавшись с места. Уже не полетишь. Внутри начинает прорастать неторопливая и ленивая коровушка. Все по полочкам. Распорядок дня и планирование бюджета. Приличие. Уравновешенность. Размеренность. Разумность. С кем бы то ни было. Скукотища.

Я тоже устала от этого повествования и от очередной выходки своего главного героя и решила подарить себе небольшой антракт.

В антракте я и моя подруга Кимса спешим по Крымскому мосту, в клуб ЦДХ, где должен быть концерт наших друзей, авангардных музыкантов. Кимса очень веселая девушка, наполовину кореянка, с умными, слегка раскосыми глазами и густыми, черными волосами. Идем мы не молча, а в заморозках поздней осени обсуждаем мое предстоящее замужество. Она говорит, что не верит ни одному его слову, еще неизвестно, кто он и откуда. Может, он попросту хочет получить вид на жительство и московскую прописку. И, противореча себе, она тут же спрашивает: «А вдруг это любовь!? Ты понимаешь, где ты со всеми твоими тараканами найдешь второго такого же человека, а вдруг это – раз в жизни, а все остальное будет ординарно и скучно». Мы сходимся на мысли, что надо все же точно разузнать, кто он. Где-то вдалеке, как приз, маячит лакомым кусочком Берлин.

Клуб. Потолок из зеркальной плитки. Стойка бара, столики в нишах, множество молодых людей и девушек, как молоденькие зверьки, пьют пиво и зыркают блестящими глазенками по сторонам. В центре – подиум. На подиуме я и Кимса танцуем в обнимку, изредка чмокая друг дружку в шею. На сцене надрывно поет друг, Филипп, титулованный нами Оригинальным. У него рыжие кудряшки и острая бородка. Он поет на английском, скрежещут, лязгают и грохочут гитары. Мы с Кимсой пьем пиво из одной бутылки, совсем распоясались, а снизу на нас удивленно поглядывают люди. На потолке все отображается кверху дном, мы танцуем на головах, Оригинальный стоит на голове, стойка бара перевернута, а пиво течет снизу вверх. Но согревает. Мне так хорошо, так счастливо, что даже не нужно никаких сюжетов, ничего. Написать, что ли про нас с Кимсой, какие мы красивые, когда вместе, какие мы живые и непредсказуемые. Дети, уже вышедшие из детского и даже отроческого возраста, но все равно, вечные дети.

* * *

Чего бы такое еще придумать? Надоело описывать реальные события. Но фантазия отказала, все, что я могу, – рассказывать, как было на самом деле, ну или для разнообразия поиграть стилем.

Он пропал на месяц. Не позвонил и на мой день рождения, вследствие чего я на него смертельно разобиделась. Уж не отсох бы палец набрать номер, сказать пару слов. День рождения состоял из двух частей. Первую часть дня я ждала звонка и одновременно, как

Юлий Цезарь, умеющий делать сразу несколько дел, продиралась сквозь «Улисс» Джойса. Наконец, около семи вечера, кто-то настойчиво позвонил во входную дверь.

Я бегу отворять, ликуя, что это не иначе, как будущий супруг пожаловал меня поздравить, но, к великому разочарованию, обнаруживаю на пороге Филиппа Оригинального с букетом кремовых роз. Мы долго укладывали розы в дедову напольную вазу из Берлина, а после сидели на кухне, кушали бутерброды с икрой лосося и говорили об искусстве. Опять черный ворон на плече мешает мне жить. Говорю, а сама думаю, не превратить ли все это в интервью какому-нибудь журналу для подростков. «Сегодня в номере – Филипп Оригинальный, лидер группы «New» (одной из множества групп, уже выползшей из землистого андеграунда, но еще не расправившей крылья на пути к звездам).

Я: А вдруг у меня и вовсе нет таланта, не судьба – только единственную свою жизнь потрачу в погоне за химерами?

Оригинальный глубокомысленно бормочет, что мы живем не в пятнадцатом веке, пора бы уже прекращать верить в судьбу.

О: Раньше, когда женщина не могла родить, говорили, что Бог не дал ей детей. А сейчас в клинике берут у нее яйцеклетку, оплодотворяют в пробирке, через девять месяцев получается полноценный ребенок, который так же, как и все прочие дети бегают, прыгает, смеется.

Я: Значит, все дело в деньгах?

О: Упорно, любыми путями делать что-то, ради самого процесса деланья, все только в тебе. Ты – хозяин своего творческого процесса и своей жизни.

Я: Интересно, а в любви все так же?

О: Не, здесь каждый получает свою цену, трудно обмануть. Можно схитрить, соблазнить, в результате долгой игры вступить в узаконенный государством брак, а вот любовь...

Я: А ты веришь в Платоновскую сказку про две половинки? Неужели «любить можно только раз»?

О: Знаешь, на мой взгляд, секс, брак, быт – это примитив. Разве не достойная цель жизни – найти человека, которого полюбишь ты, и который полюбит тебя. Не просто как партнеры по сексу или коллеги по строительству домашнего очага. Когда ты сможешь сказать себе: «я не одинок, у меня есть она, а у нее есть я».

Я: А мормоны верят в перерождение и вечную любовь. Если встретил человека, то такого, который во всех последующих перерождениях будет с тобой. То есть ты червяк, а она – твоя подружка-червяк, ты кот, а она – кошка из соседнего подъезда, с которой ты орешь по ночам возле мусорных баков. Ты снова человек и она – снова твоя, и так вечно. Но это сказка. Может, красив как раз сам поиск?

О: Раз ты прожил и не смог найти своего человека, то тебя как бы и не было. Ты не смог поселиться в мечтах другого, значит, остался нигде. Это и есть путь в никуда. А когда ты нужен, ты не зря. И не за то, что имеешь собственный вид на жительство или хорошо готовишь, а просто, непонятно за что, за то, что ты – такой, и не другой, за твои недостатки, ничтожность, беспомощность или доброту и цвета, которые ты излучаешь.

Я (иногда люблю задавать вопросы, на которые наверняка знаю ответ): А что в реальной жизни является побуждением к искусству?

О: Красота, зрение. Что-то детское в натуре. Подвижность фантазии. Свобода. Еще это иногда называют «уметь летать».

Доедая бутерброды, я завидовала красноречию Оригинального, а также горевала оттого, что Коля Ельников оставил мой день рождения без внимания. Это меня обидело и задело. Я решила раз и навсегда порвать с ним. Ну, не получится повесть. Останется пустота. И, как справедливо писал Хемингуэй, пустота рано или поздно заполняется чем-то, сочиню

другое. Творческий порыв побеждает суеверия, но, видимо, в фантазию заложена неведомая потусторонняя энергия и выдуманное иногда сбывается, выходит из бумаги в реальную жизнь. Поэтому я боюсь выдумывать истории, иногда получается, как предсказание. Написала вот рассказ про девушку, которая разбилась на машине, а спустя некоторое время на машине разбилась моя бывшая одноклассница.

* * *

Он позвонил и спокойно сообщил, что денег на корм кошке больше нет, и поинтересовался, не имеется ли у меня желания пристроить ее куда-нибудь. Я сказала, что спрошу. И все же упрекнула, мог бы хоть по телефону поздравить. Он сбивчиво оправдывался, что накануне моего дня рождения пошел на показ мод, а оттуда с двумя фотографиями отправился в ночи гулять по Москве, и решили они посмотреть на ремонтируемый дом Пашкова, что как раз напротив Кремля. Забравшись туда беспрепятственно, они с отважной девушкой-фотографом раскурили за разговорами на чердаке горстку травы. К моменту появления сотрудников милиции дым уже успел рассеяться, а зрачки приняли здоровый вид. Тем не менее, их забрали и посадили в отделении в клетку, не поддаваясь ни на какие мольбы и уговоры. И за неимением документов, не выпускали три дня. Сквозь толстые железные прутья он просунул свое бывшее удостоверение главного художника журнала и папку с копиями работ, после чего милиционеры принялись наперебой расспрашивать о великих деятелях отечественной массовой культуры, многих из которых Коля частенько встречал в редакции. Отпустили с извинениями. Счастливая парочка отправилась к девушке домой докуривать остатки припрятанной в секретере травки. После она переехала к нему, пожила-пожила, а потом почему-то бросила.

Где-где, а в клетке отделения милиции еще ни разу не была и так достойно оттуда не выбиралась. Я была сильно разочарована: он даже не думал обо мне все это время. Решила все же пристроить кошку и распрощаться. Обзванивала друзей, а у них – то же непреклонные родители, злые собаки, дети, аллергии, командировки, сенбернары и ручные крысы. Оказалось, это не такое-то простое дело. Жизнь многих людей настолько рациональна и взвешена, что какая-то несчастная кошка совсем не вписывается в установленный и расписанный до штришка порядок.

Никто не подходит для предоставления крова бездомным животным, чем хиппующие журналисты. Я позвонила одной парочке, друзьям Кимсы. Как и ожидала, они согласились, но без особого энтузиазма, ведь после нового года ждали ребенка. И опять все произошло вразрез с моим сценарием – Коля заявил, что я обязательно должна сопровождать его и кошку к этим людям, а то ему одному, видите ли, неудобно.

Мы шли вечером по черной улице, в его сумке шевелилась кошка, пытаюсь высунуть голову и рассмотреть, куда ее несут. Я читала ему мораль по поводу – «человек ответственен за того, кого приручил, нельзя запросто бросать тебе принадлежащих существ» – имея в виду кошку, а где-то и себя. Он оправдывался: родители без предупреждения прислали из Берлина в подарок котенка той кошки, что живет у них. Котенок приехал в Москву поездом, в птичьей клетке, с запиской «чтоб тебе было не так одиноко». Пришлось приручить. Не выгонять же на улицу.

«А я нечаянно подвернулась в редакции, и вспоминается обо мне только при особой необходимости – пристроить кошку», – я шла и обиженно молчала, а он не обращал на это никакого внимания. В конце концов, я сама виновата во всем. Я выбрала метод повествования, минуя авторскую маску. Смело подставляю свое лицо промежуточного персонажа под удары перипетий сюжета. Намного легче было бы рассказывать о себе в третьем лице, укрыться за какую-нибудь ширму, натянуть чужую личину и из-за нее тихонько выдумывать

повесть. А когда ты – автор, идешь по реальной улице от станции метро Беговая рядом со своим главным героем, чувствуя, что он неуправляем и непредсказуем, потому что не хочет открыться тебе, ведь ты в его жизни – случайный человек, которому никак не удастся понять логику и мотивации его поступков – вот драма. Остается просто рисовать картинки того, что было; может быть, со временем прольется свет и удастся разобраться во всем.

Вечером того же дня позвонила возмущенная Кимса, она тараторила о том, что с ним я не похожа на себя, а скорей напоминаю каких-то легкомысленных девочек, которые штампованные и безликие. Что я становлюсь совсем чужой, это заметили все, кто был в гостях. К тому же она сказала, что Коля Ельников похож на крокодила, усердно пытается казаться какой-то весьма важной персоной и производит крайне неприятное впечатление. Я разозлилась, наговорила Кимсе кучу гадостей и бросила трубку. Только что жестоко критиковали моего героя, и я, автор, это терпеть не собираюсь. Сами вы – крокодилы.

* * *

И еще о том, как автор заботится о герое. Еду к нему. На последние деньги покупаю пончики и пирожки с мясом. «Бедный, у него же нет денег, в холодильнике – кетчуп и половинка засохшего лимона – остатки былой роскоши. Он же ослабеет, у него же будет авитаминоз, гастрит или снизится гемоглобин. Может быть, наскрести мелочи на сок?». Лифт не работает, взбираюсь по лестнице, отмечаю, что уголки губ у меня опущены и лицо застыло в страдальческой маске. Нет. Пытаюсь улыбнуться темноте лестничного пролета, замечаю на ящике мусоропровода корявую надпись «Здесь живет мусор», читаю граффити на стенах: «Я живу рядом, а ты меня не замечаешь». «Девчонка с восьмого, я тебя люблю». «Витя + Надя = Блюбовь».

Открывает на мой звонок, по лицу непонятно, рад или нет. Суется, помогает снять пальто, ставит чайник. Рассказывает, что хозяин квартиры уже взбесился, грозит выгнать за то, что жилец третий месяц не платит денег. На диване валяются какие-то эскизы, его записные книжки, раскрытый дневник, который он ведет каждый день. Мы сидим на кухне, невесело дуем на чай, и я спрашиваю себя, зачем я здесь, в этой полутемной, тонущей квартире, рядом с непонятным человеком, не допускающим меня в свой мир.

Мы ложимся на диван и, прижавшись друг к другу, смотрим фильм «За облаками», пьем виски из одной рюмки, и он не хочет целовать меня, оправдываясь тем, что вчера переусердствовал с героином, и от этого губы болят. А я знаю, что он врет, и чувствую, что зря трачу время, скрашивая его одиночество. Это похоже на бессмысленное блуждание по лабиринту: кажется, вот-вот выберешься, вон уже и свет выхода, а дойдешь до него – оказывается оптический обман или тусклая лампочка, и погружаешься все глубже и глубже в неведомый и чуждый тебе мир.

Он зачем-то рассказывает про Леонида и его жену. Жена Леонида – художница, ведьма и работает на телевидении. При этом Леонид меняет подружек каждую неделю, а она друзей – раз в две недели. Прямо задачка из школьного учебника по алгебре. Спрашивается, кого чаще видит их трехлетний сын.

На стенах комнаты в качестве украшений интерьера развешены пластинки и счета из ресторанов, которые он посещал до кризиса, когда были деньги. Фильм закончился, и мне хочется уйти. Заявляю, что ухожу, а он валяется на диване, делает вид, что спит.

Очень необычное чувство, когда спускаешься по лестнице, ожидая, что тебя сейчас вернут, крикнут, что это все была игра или щит, который надо было пробить. Но не возвращают. Тишина и решетки лестничных пролетов. Разочарование ожесточает, кажется, что я становлюсь железным стержнем или осью пластинки, которая, крутясь, издает грустную нестройную музыку. Я иду, хрустя подошвами по снегу, думаю о том, что где-то в моей

голове – потрепанный серый чемодан, куда складываются истории и лица. Газетные вырезки и странички книг. С каждым днем он становится все тяжелее. Мир проходит сквозь меня, как сквозь сито, и на решетке осаждаются его частички. Лица, движения и звуки. Смотрю на окружающее уже не как свободный человек, а выискивая спрятанные детали и линии. Например, сегодня, когда я счастливая ехала к нему, на платформе стояла пожилая женщина. Ее хрупкая фигурка, лиловая длинная юбка, боты, плюшевая шубка и такая же черная шапочка. Она как будто сошла со страниц чьей-нибудь книги. Или появилась из киноэкрана. Манерно и гордо вошла в поезд. А что, если подойти к ней, предложить поехать выпить чаю. Я представила – Коля открывает дверь, а мы с этой таинственной пожилой феей замерли на пороге. И наблюдаем, как он меняется в лице.

* * *

Сию на сцене. Занавес закрыт. За занавесом – моя комната. Шторы, вечер, сижу с ногами на подоконнике и смотрю на черную с вкраплениями света фонарей и снежинок картинку в окне. Чувствую ледышку оконного стекла. Кроме меня на подоконнике два кактуса в эмалированной миске, расставили иглы, чтобы кто-то не ранил их нежную беззащитную плоть. Мне уютно, в трубке его голос заявляет, что мы вместе встречаем Новый год. Я спрашиваю, а как же та девушка, что жила у него последнюю неделю, а он говорит: «отправилась со своим молодым человеком на Камчатку». А девушка, которая в Берлине, его любшая любовь и боль – поехала с друзьями кататься на горных лыжах. А девушка, на которой он летом хотел жениться – сейчас с другом-британцем в Лондоне. Это меня несколько расстраивает. Все его бросили, ведь он на мели. И ему ничего не остается, как пригласить меня справлять вместе Новый год, он же знает, что я буду рада. Но я гоню всякие мысли прочь и мяукаю что-то нежное в трубку. Говорю «пока» и, слушая гудки, спускаюсь со сцены вниз. На пол.

* * *

Новый год в детстве. Можно описать его словосочетаниями, потому что особого сюжета или сценария обычно не было, а стихотворения на эту тему написаны поэтами лучше меня. Елка... как торжественно ее снимать с антресоли, стирая с коробки годовалую пыль. Разноцветные блестящие шары и неказистые стеклянные ежики, птицы, рыбки, снегурки. Пластмассовая и синтетическая мишура, создающая ощущение непонятного восторга, преддверия чуда. Запах пирогов с кухни, мандарины, посадить рядом кукол и медведей, чтобы они смогли смотреть по телевизору Новогодние поздравления скучных дядей. Вечером, когда гуляешь с собакой, встречается спешащий куда-то Дед Мороз, так занятый срочной работой, что даже забывает поздравить, а бабушка узнает в нем живущего в соседнем подъезде безработного и «поддающего» парня.

Так странно, что самые возвышенные ощущения жизни создаются довольно-таки примитивными материальными явлениями и предметами.

На полу – ель, точнее, конструктор искусственной ели, который я собираю под музыку Вагнера. Не совсем подходящая музыка, но меня это не беспокоит. Оригинальный официально заявил в шуршащую помехами трубку, что, если я не приду к ним на Новый год, он на меня смертельно обидится. Прижимая трубку с голосом к уху, собираю ель неправильно: нанизала ее наоборот, все верхние ярусы оказались внизу. Приходится начинать заново, потом небрежно вешаю старые шары, сожалея, что снова не хватило денег для придания ели европейского вида – красные шары и серебряные ленты. И приходится вешать все те же, из детства. Уже даже не грустно, что наряжаю новогоднее дерево так спокойно, будто бы

убираю квартиру или мою посуду. Ниточка оборвалась, об пол разбился некогда мой самый любимый большой зеркальный шар. И кучкой жалких зеркальных скорлупок лежит на полу. В них я вижу себя. Если не верить в приметы, можно просто почувствовать красоту и грусть – рассматривать себя в осколках шара, некогда целого, таившего мое вытянутое и выгнутое от его округлости отражение – смешливой девчонки с розовыми капроновыми бантами.

* * *

Хожу зимним по улицам, покупаю подарки. Так хорошо, что есть люди, хоть кто-то, ради кого хочется ходить по магазинам и выискивать то, что им понравится. Так нужно иногда принадлежать кому-то. Покупаю сборники рождественских стихов Бродского: «Я пришел к Рождеству с пустым карманом». Весь вечер делаю салаты, Коля все не идет, в комнате горят свечи, тихо, за окном начинают трещать петарды, озаряя темноту вечера маленькими искусственными кометами. За двадцать минут до наступления 1999 года открываю дверь, на пороге стоит Ельников в темно-зеленом стареньком драповом пальто и серой шапке-ушанке из искусственного меха. В одной руке у него кремовая роза, в другой коробка. Сняв шапку, он обнажает новую прическу скинхед, надевает очки с черной оправой в стиле Алексея Андреева. Не нахожу ничего лучшего, чем поинтересоваться, как там поживает Алексей, и узнаю, что настоящий писатель уехал жить в буддийский монастырь в Камбоджу. Пока извлекала из коробки пирожки, которые хоть и были подгоревшие, зато лично изготовлены Колей, он, заглушив телевизор, включил новую синтетическую композицию, в результате мы не послушали последнего в этом веке поздравления президента Ельцина, еле-еле успели открыть шампанское, чокнулись и поздравили друг друга с Новым годом. Тут он заявил, что мы едем к нему, нас ждет веселиться компания. Наспех проглотив шампанское и салаты, схватив бутылку пива, мы уже бежим по улице, освещенной кометами петард и веселыми криками празднующего народа, к метро, на последний поезд. Здесь, в метро, Коля, переполненный искренней благодарностью, что я согласилась праздновать с ним, притянул меня к себе и долго впивался своими губами в мои – нежность в духе Дракулы. Мы тряслись в поезде, потягивая пиво «Grolsch», я смотрела на него искоса, сейчас он больше всего напоминал маленького мальчика в шапке-ушанке, будто слегка оттаял. Мне удивительна в нем эта игра двух оттенков, перелив двух лиц – беззащитного и хрупкого ребенка и холодного жестокого получеловека, полуробота. Он рассказывает, как в Берлине встречал Новый год с родителями. В вагон зашел довольно веселый пьяненький мужичок и, вместо привычного: «Подайте, люди добрые», громко воззвал к народу: «Люди, что же за безобразие, в Новый год не могли сделать, чтоб метро всю ночь работало».

Мы поймали попутную машину, грузовую, на которой возят песок. И ехали рядом с водителем, слушая поздравления по радио. Так здорово в новогоднюю ночь мчаться на грузовой машине и с высоты сидения смотреть на блестящий при тусклом свете фонарей снег.

* * *

Дома у Ельниковых собралась компания. Леонид был с женой, той, что истеричка и ведьма, а одновременно брюнетка и осветитель на телевидении. Смешливая улыбчивая девушка, с большими черными глазами, которая в свои двадцать шесть еле тянет на девятнадцать, была одета, как принцесса, – в серебряное атласное платье до пят, снегурка в стиле «вамп» прихватила с собой дружка, парня с роскошными волосами, как в песенке эпохи коммунизма «клен зеленый, раскудрявый». При этом Леонид сохранял абсолютное спокойствие, которому позавидовал бы целый клубок удавов. К моменту нашего прихода, подвыпившие, они играли в шарады.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.